

АЛЕКСАНДР КИРИЛЛОВ

ЦИКЛ: ЗАКАЛЕННЫЕ БУРЕЙ

**ЗАКАЛЕННЫЕ
БУРЕЙ (5)**

18+

Александр Кириллов
Закаленные бурей 5

«Автор»

2023

Кириллов А. Л.

Закаленные бурей 5 / А. Л. Кириллов — «Автор», 2023

Поддержав Ленина, Алексей Семенов вместе с товарищами участвовал в штурме Зимнего дворца. После победы Великой Октябрьской революции Семенов участвовал в создании ВЧК, став заместителем Дзержинского, а его товарищи стали отрядом особого назначения при ВЧК. Находясь на новой должности, он активно помогает большевикам в борьбе с контрреволюцией и бандитизмом, сражается с иностранными интервентами, разрушает планы отдельных лидеров большевиков, играющих «за две команды», встречается с арестованными императором Николаем II и его семьёй. Работая на большевиков, он упорно идёт к своей цели - укреплению созданной при его идейном руководстве Северо-Восточной Республики.

© Кириллов А. Л., 2023

© Автор, 2023

Содержание

Глава 1. Снова на фронте	5
Глава 2. Февральская буржуазная революция	16
Глава 3. Великая Октябрьская революция	27
Глава 4. Строители новой жизни	38
Глава 5. Шествие советской власти	45
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Александр Кириллов

Закаленные бурей 5

Глава 1. Снова на фронте

Запустив процесс создания русского анклава в Персидском заливе, в конце декабря 1916 года я вернулся в Санкт-Петербург. Эвакуация производств и людей шла своим чередом: дома, цеха, лаборатории, предприятия в других городах по бросовым ценам распродавались всем желающим. Рабочие, инженеры, учёные с семьями и многочисленными родственниками прибывали в Якутск. Часть из них оставалась в наместничестве, но основная масса пароходами через океан переправлялась в Никарагуа. Пожилые учёные остались в Петербурге или вернулись в Москву, а более энергичные и заинтересованные в работе отправились в новые края. В Якутск убыли семьи жандармов из отряда Сержа и финансисты. А вот столичная больница «Зенит Здоровье» оставалась работать. С её эвакуацией имелись большие проблемы, так как она была забита ранеными.

В столице с каждым месяцем становилось всё беспокойнее, а окружающая Николая II обстановка всё печальнее. Начиная с осени 1916 года в оппозицию к Николаю II встали не только либеральная Госдума, но и его ближайшие родственники, образовав «великокняжескую фронду». Общим требованием родственников стало отстранение от управления страной Распутина и царицы-немки, введения «Ответственного министерства» и Конституции. Открыто сочувствовали либеральным идеям великие князья семейства Романовых, зять Николая II принц Ольденбургский, тётя Мария Павловна и даже предполагаемый преемник на престоле Михаил Александрович Романов. Окончательно испортила настроение Коленьке собственная маман, в штыки встречавшая его решения.

Накал страстей выплеснулся первым актом будущей трагедии. В ночь на 17 декабря в Юсуповском дворце был избит, отравлен и застрелен Фёдор Распутин. Под следствием оказались высокие заговорщики: князь Феликс Юсупов, черносотенец и депутат Думы Владимир Пуришкевич, великий князь Дмитрий Павлович Романов и офицер британской разведки «МИ-6» Освальд Рейнер. На ведущих дело следователей давили великие князья и британские власти, а показания участников убийства были запутаны, так что всё шло к тому, что Распутин сам себя отравил, избил и застрелил, чтобы наверняка помереть. Это событие напугало жену императора Аликс. Озлобленный Николай неожиданно жёстко пресёк «Фронду», под разными предлогами выслал из столицы всех опальных великих князей.

Ерофеев ввёл меня в курс дела известных ему городских новостей, после чего вместе мы отправились во дворец, где вначале встретились с Софи Друбецкой. От неё узнали пикантные подробности этого дела, обстановку и расклады в царском семействе. Затем с Борисычем имели аудиенцию у жены Николая, Александры Фёдоровны. Она была в полном расстройстве чувств, постоянно всхлипывала, рассказывая нам о смерти своего духовного наставника и предательстве ближайших родственников.

– А где Мария Фёдоровна?

– Императрица Мария София Фредерика Дагмар перебралась в Киев. Алексей, скажи, ведь Николай – император, поэтому он должен руководить государством!

Насколько я знал, между женой и матерью Николая II существовали трения, которые сейчас явно выплыли наружу, а большинство родственников Николая Аликс вообще терпеть не могли. Причина была простой – она влияла на Ники сильнее их всех вместе взятых, чего родственники не могли ей простить.

– Должен, ведь он император.

– Я тоже самое говорила императрице, а она!.. Она со слезами просила Николая не брать на себя главнокомандование армией. Разве так может поступать мать?

– Увы, все матери живут в своём мире, считая своих детей маленькими.

На самом деле я подумал о том, что мать лучше других знала своего сына и понимала, что ничего хорошего из этого не выйдет. А вот Аликс, учитывая её влияние на Колю, очень не помешало бы иметь побольше государственного ума. Глядишь, и остались бы императору у власти. Николай был неплохим человеком, но совершенно не обладал качествами, необходимыми царю. Так что мама всё правильно делала. Но сам Николай не мог принять иную роль. Не мог, потому что считал себя русским самодержцем, следовательно, человеком, который должен заниматься управлением страной лично. Как я узнал вскоре, Мария Фёдоровна, бросив столицу, в прямом смысле слова занялась милосердием, контролируя работу киевских госпиталей.

К нам вышли дочери императора и царевич Алексей, на которых я пристально посмотрел, стараясь запомнить такими, какими они были на вершине власти.

– Алексей, вы так смотрите на нас, что совершенно засмущали.

– Хочу запомнить вас такими, какие вы есть сейчас, в декабре 1916 года.

– А что не так?

– Всё не так, девушки.

– Алексей, вы нас пугаете!

– Прошу вас, когда придёт время, настоять на том, чтобы бежать в Якутск.

– Хорошо, раз вы просите, мы будем настаивать.

Мы попили чаю, обсудили мои заморские дела. Я рассказал о своих приключениях в Персидском заливе, о которых судачила пресса, перепечатывая английские газеты. Затем коснулся одной важной темы, которую императрица поддержала. Видать, ей тоже хотелось заниматься чем-то полезным и нужным. Императрица также решила курировать госпитали столицы.

А разговор, который я затеял, был о переселении комиссованных солдат и беспризорных детей в Якутск. Именно этот вопрос я обсуждал с императрицей, желающей поучаствовать в благих делах. Так что я получил высочайшее одобрение «Программе заботы о сиротах и увечных».

Как мне сообщила Алёна, после этого разговора три великие княжны стали часто бывать в зенитовской больнице. В итоге главврач Алена Тимохина приобщила их к работе по оформлению документов на больных, назначив приказом госпитальными сёстрами милосердия. При столичной больнице "Зенит" был открыт центр по формированию переселенческих групп из ветеранов и инвалидов войны, детских домов и обычных беспризорников. В программу также попадали оставшиеся без кормильцев мамыши с маленькими детьми. Пришлось общаться с начальником департамента по домам общественного призрения госпожой Волобуевой.

– Ирина Николаевна, время тяжёлое, беспризорщина и детский бандитизм процветают. Я хочу, чтобы дети попали под строгий надзор военных. Они не дадут спуска малолетним бандитам. Ведь мы должны воспитать полноценных людей для здорового общества, а не плодить будущих грабителей.

– Князь, вы совершенно правы. Мягкими мерами дело не решить. Но кто у нас работает в сиротских домах – тётки, да инвалиды.

– Я рад, Ирина Николаевна, что вы понимаете мою идею. Мы должны изолировать этих ребят от воровской среды. Война нарушила естественные процессы, когда отец или старший брат учат и помогают жить младшему. Они или погибли, или погрязли в революционном омуте. А куда проще украсть деньги, чем сутками корячиться, зарабатывая их на пашне или у станка. Дайте мне возможность собирать беспризорников и селить их на территории Сибири. Там они окажутся далеко от соблазнов большого города. А как обустроим их, присылайте комиссии на проверку.

– Что же, возможно, вы и правы. Вы планируете создание кадетских училищ?

– Да. Назовём их суворовскими и нахимовскими училищами, а для девиц с 12 лет водятся пансионы наподобие Кнесинки, только с более широким спектром предметов. Для маленьких организуем круглосуточные ясли, детсады и школы-интернаты с четырьмя классами начального образования. Затем все попадут в ремесленные училища. Вот я принёс документы с фотографиями и описанием самих учебно-образовательных заведений, программы обучения и воспитания, которые уже действуют в Якутии. Сейчас мы готовы принять около десяти тысяч детей, но будем развиваться и дальше.

По согласованию с Министерством образования и попечительскими советами городских богаделен, фирмой «Зенит Здоровье» были заключены договора с воспитательными домами, домами призрения и сиротскими приютами на переселение детишек в новые учреждения. Все столичные дома были забиты под завязку, ведь детей-сирот становилось всё больше. Так что руководители шли мне навстречу. Так и получалось, что органы опеки наместничества забирала детей, а освободившиеся места быстро заполнялись новыми беспризорниками, которых снова передавали нам. Жандармы отряда, комиссованные по ранению бойцы «ОСО», а также прибывшие из наместничества команды вневедомственной охраны в прямом смысле слова проводили боевые операции по отлову малолетних преступников. Набранные на хорошие зарплаты крестьянские и городские девицы занимались совсем маленькими, сопровождая их в Якутию, зачастую оставаясь по контракту. Если с инвалидами войны было просто, которые переезжали с семьями, то пойманные беспризорные юноши и девушки были далеко «не подарок». Джек напутствовал бойцов, сопровождающих такие эшелоны.

– Парни, проявите себя не только солдафонами, но и педагогами. Влезьте малолетним хулиганам в душу, затроньте их чувства, расскажите об интересных местах, чудесах природы и новой жизни, которая их ждёт. Будьте жёсткими с ними, но доброжелательными и справедливыми. За беспредел по отношению к слабым – карать жестоко, вплоть до показательного избиения. С неисправимыми разберёмся в Якутске, остальных отправим «в тёплое светлое будущее».

Так и катили детские поезда через всю страну. Бойцы, сопровождающие ценный груз, под стук колёс рассказывали об удивительных приключениях отряда, тяжёлых тренировках и боевых делах, взаимовыручке и подвигах. Младшим группам читали сказки, рассказывали истории о тёплых морях, светящихся ночью от планктона, огромных рыбах, которых можно встретить в океане, зверях и крокодилах в джунглях новой страны, о бескрайних снегах Якутии и сильных людях, населяющих эти просторы. Молодые ребята и девчата сразу приучались к дисциплине: посменно дежурили, убирали за собой в вагонах, раздавали пищу и так далее. Были и бунтари, считающие, что им все обязаны. Таких сводили в один вагон с бойцами, где они на своей шкуре проверяли, что значит быть самым слабым звеном среди матерых волков. Таких ждала уборка сортиров, мытье полевых кухонь, в которых повара готовили пищу, стирка детских пелёнок. А тех, кто наотрез отказывался подчиняться, воспитывали ремнём. Так что шпану обламывали, но личным примером показывали цель, к которой надо стремиться.

Затем эшелон прибывал в Якутск, а дальше детей или семьи ветеранов и инвалидов войны отправляли по разнарядкам к местам работы или воспитания. Совсем неисправимых из приклатнённых беспризорников загоняли на шахты, чтобы тяжёлым трудом выветрить из головы дурь. Взрослых детей перевозили поездами в Охотск, а затем кораблями в Никарагуа, а маленькие должны были подрасти в Якутске, где в срочном порядке возводились тёплые блочные дома-интернаты. Вывезти в Якутск как можно больше славянских детей или полноценных семей, являлось одной из самых важных задач, поставленных мной перед соратниками. Мы должны были сохранить русскую культуру и самобытность на чужбине, для чего требовалась большая популяция русского населения.

На Крещение в столицу прибыл император. Устраивался крещенский бал, на который меня лично пригласили дочери императора. Праздник для многих был не праздничный, хотя богатая молодёжь от души веселилась и танцевала, вкусно кушала, сладко пила, смотрела на фейерверки и флиртвала. На празднике присутствовало много людей, которых я не переносил и которые отвечали мне взаимностью.

Среди этих людей шло очень нехорошее брожение. После устранения Распутина, по образцу дворцовых переворотов прошлых веков в умах государственных деятелей стали формироваться планы насильственного смещения Николая II с престола и отречения его в пользу одного из великих князей. Руководили этим процессом председатель Земгора князь Георгий Львов, председатель Военно-промышленного комитета Александр Гучков, председатель Госдумы Родзянко, думцы Некрасов, Терещенко, привлёкшие к заговору военных во главе с Рузским и начальником Генштаба Михаилом Алексеевым.

От высокопоставленных информаторов в жандармерию шли сведения следующего содержания: «Царицу ненавидят, её убьют, нового государя тоже не хотят. Переворот должен будет произойти не позже апреля 1917 года, так как на апрель запланировано совместное с Антантой наступление. Заговорщики боятся, что оно может вызвать подъём патриотизма и сделать переворот невозможным». Шеф жандармов Ерофеев, генерал царского охранного отделения Спиридович, министр внутренних дел Протопопов подавали царю докладные о готовящемся перевороте, но тот считал их несерьёзными. А зря.

Я же общался с Ольгой и Марией Романовыми, которые уже неделю работали в госпитале. Они всё время тархтели о новых для себя впечатлениях. К нам подошли Аликс с Николаем.

– Алексей, давно не видел тебя.

– Здравствуйте, ваше величество.

– Чего глаза воротись, не рад меня видеть?

– Досадно мне. Упустили мы время, Николай Александрович, упустили. Видишь, как твои родственники тебя фрондой поддержали, в спину ударили.

– Ещё не все потеряно, Алексей. Я с ними разобрался.

– Мне бы твой оптимизм, император.

В разговор вступила Аликс: «Алексей, ты много знаешь. Объясни, что творится вокруг?»

– Вы сами всё знаете, ваше величество. Посмотрите направо – люди, что стоят с бокалами шампанского, уже приговорили вас. Помните, что сказал Распутин?

– Через три месяца после моей гибели падёт императорская династия.

– Вот вы и ответили на свой вопрос.

– Неужели ничего нельзя сделать?

– Боюсь, что уже ничего. В заговор против вас вовлечены многие высокопоставленные люди. Убрав первый эшелон в лице Львова, Гучкова, вашего начштаба Алексеева, ничего не изменится – их место займут новые лица. Слишком много людей у власти настроены против вас. К тому же вы сами видите, что творится в городе. Самое опасное, что войска разложены, они поддержат не вас, а революцию. Не кем подавлять бунт.

– Алексей, я уверен, что всё образуется.

– Всё может быть в этом мире, поэтому надо верить в лучшее.

В новом 1917 году столица напоминала разворошённый муравейник, резко ухудшилась криминогенная обстановка. На улицах постоянно возникали митинги, появились дезертиры с оружием, организующие революционные банды, подняли головы обычные бандиты. Моряки также пошли в разнос, сбиваясь на вооружённую анархию. В крупных городах страны стало очень беспокойно, отчего полиция не справлялась или не хотела справляться.

Все меньше оставалось времени у России с её привычным укладом жизни. Я переговорил с Ерофеевым. Вначале он ничего не хотел слышать, считая, что надо и дальше оставаться командиром корпуса, затем стал более адекватным. Наконец, бригада «ОСО» получила его

приказ вернуться с фронта и отправиться для проведения какой-то очень важной операции в наместничество, захватив при этом семьи, а корабли корпуса в Охотск с бессрочным заходом в порт Сан-Кабекас. С первого февраля, когда мы закончили перевозку наших предприятий, он написал прошение об отставке по состоянию здоровья. Протопопов сразу завизировал прошение, так что генерал-лейтенант и генерал-адъютант императорской свиты Иван Борисович Ерофеев успел получить почётную отставку с пенсией, мундиром и орденом.

В январе 1917 года в Петроград приехала союзная комиссия «благородных» итальянцев, французов и англичан, которые после совещания с Гучковым, князем Львовым, сенатором Родзянко, генералами Поливановым, Сазоновым, английским послом Бьюкененом и другими российскими политическими лидерами, представили государю петицию с требованиями: «Ваше императорское величество, мы считаем, что для стабилизации управления государством вам необходимо:

– Ввести в штаб верховного главнокомандующего представителей союзников с правом решающего голоса.

– Обновить командный состав всех армий по указанию держав Антанты.

– Ввести конституцию с соответствующим министерством».

На этих наглых требованиях государь положил полные благородства и достоинства резолюции: «Мои армии сражаются с большим успехом, чем армии моих союзников. Управление же страной есть прерогатива монарха, вовсе не требующая указаний союзников».

После этого в английском посольстве состоялось заседание при участии приехавшей комиссии и всех вышеупомянутых русских предателей. На нем было решено «отбросить законный путь и вступить на путь революции» при первом же отъезде государя в Ставку.

В 20 числах января я уехал в нашу бригаду на фронт, везя последний приказ Ерофеева. Ехать мне совершенно не хотелось, но этого требовала обстановка. После пленения эрцгерцога, император на радостях от такого успеха подписал моё представление. Так что в новом году многие мои товарищи получили последние награды последнего императора России: ордена, титулы и следующие звания. Я уезжал от командиров, имеющих одни звания, а прибыв, увидел совсем другие. Бригада генерал-майора Медунова своими действиями завоевала авторитет у Брусилова и армейцев. Постоянные рейды пехоты и конницы по тылам противника генерал-майора Багаевского, боевые действия авиагруппы генерал-майора Панина, увеличенной в два раза за счёт прибывших из Якутии самолётов, разведка в тылах противника – всё было организовано грамотно и проводилось без больших потерь. Войсковой атаман Якутского казачьего войска Валера Багаевский частенько проводил совместные рейды с донскими казаками генерала от кавалерии Каледина.

Однако сразу уехать не удалось, пришлось ещё немного повоевать, выполняя просьбу Брусилова. Отряд зашёл в село под Луцком, которое недавно обстреляли немцы. Подойдя к зданию, где «сидела» сельская голова, увидел пару десятков мужичков, сидящих на лавочке у стены дома, на завалинке или просто стоящих у забора. Я поинтересовался: «Кто такие и по какому поводу собрались?»

– Так это, пан офицер, новобранцы мы, прибыли в пункт мобилизации, а вашего главного убило при обстреле.

– А вы чего не разбежались?

– Так это, пан офицер, нельзя же разбегаться, дезертирами будем.

– Молодцы, объявляю благодарность за храбрость и выдаю каждому полтину, выпьете за моё и своё здоровье. А сейчас построиться в линию и по очереди называть свою фамилию.

Передо мной стояли новобранцы в количестве двадцати одного человека. Я стоял и думал, куда их девать? Разогнать по домам или бросить в бой? Глядя на эти простые крестьянские лица, подумалось об их семьях, детишках, может быть, старых или больных родителях, которые не могут самостоятельно передвигаться. Затем посмотрел на своих парней, у которых

могли быть те же проблемы, но которые сейчас стоят возле меня и завтра могут не вернуться с поля боя. В военное время разбрасываться здоровыми мужиками нельзя, каждому найдётся дело. Поэтому я отдал приказ.

– Бойцы, слушай мою команду. На передовую вас посылать нельзя – убьют в первом же бою. Поэтому выполнять боевые задания будете в нашем тылу. Глобус, забирай пополнение своей тыловой армии.

Глобус приступил к перекличке. Начались выкрики фамилий: Грисюк, Забейворота, Халупо, Дурнопейка, Небаба, Скворода, Буряк, Пидпузько, Салоид, Пальцапуца, Чепинога, Голопапа, Вислогуз, Сухозад, Жежеруха, Шиша, Кандыба, Перебзяк, Брехуненко, Загинайло, Запердоленко.

– Вижу, что сильная армия мне досталась! Над таким гарным войском главным будет, э-э-э, даже затрудняюсь сказать кто? Запердоленко, командовал людьми?

– Нет, пан офицер.

– Плохо, больно уж командирская у тебя фамилия. Самое то, что должен делать ефрейтор в отношении рядовых. Перебзяк и Загинайло звучат слишком оптимистично, Брехуненко тоже не подойдёт. Старшим назначаю Петро Небабу. Выйти на шаг из строя.

Вперёд вышел здоровый хохол.

– О, как я угадал. Сразу видно, что не баба, а настоящий богатырь.

Новобранцам выдали форму, месячную зарплату, которую они отнесли по домам, и у мужиков началась новая жизнь под обстрелами, в пробирающую до косточек сырость и стужу сквозняков зимних окопов.

Рота бойцов с десятком тачанок и парой фургонов двигалась к русским позициям на передовой. В ночь боевая группа должна была уйти на задание. Все были одеты в камуфляж и вместо классических погон имели лишь латунные звёздочки или лычки, отчего обычным армейцам было непонятно, кто перед ними стоит. По дороге мы наткнулись на два десятка моряков, занесённых под Луцк непонятно каким морским ветром. По сложившейся веками традиции морячки всегда считали себя парнями ухарскими, а сейчас, когда под напором революционных идей, дисциплина трещала по швам, вообще стали "конкретными чуваками". В распахнутых настежь бушлатах с заломленными аж до самого копчика бескозырках с названием корабля «Буйный» и «Резвый», сигарками-самокрутками в зубах, весело переговариваясь, они топали от линии фронта в тыл.

Мы шли, не сворачивая, попадая как раз в центр морской группы. Старшина лет 25, о котором говорят "метр с кепкой", громко заорал: «Куда прёшь, пехтура! Не видишь, отряд к бою готовится!»

Я остановился и строго спросил: «Здравия желаю, товарищи моряки. Кто старший?»

Он также нагло ответил: «Допустим, я?»

– Головка от винта! Отвечай, как положено по уставу!

– Ты «на горло» не бери, не те нынче времена! Мы – революционные матросы, и права свои знаем! Мы не какие-то там малограмотные крестьяне сухопутные. Матрос – это сила!

Мне стало смешно: «А к какой партии вы относитесь, товарищи революционные матросы?»

– К нашей, трудовой!

– И все-таки, кого вы представляете? Кто вы такие по жизни – эсеры, кадеты, большевики, меньшевики, анархисты, еврейский бунд, украинские социал-демократы? Чьих господ холопы будете, а, граждане революционеры?

– Мы эти, которые самые революционные. Так что не путай нас! Форма у вас непонятная, сразу и не разберёшь, наш ты товарищ и брат, или морда офицерская. Иди, куда шёл, господин офицер!

От такого обращения я разозлился на этих малограмотных вояк, потерявших понятие воинской дисциплины. Подойдя поближе к старшине, я схватил его за грудки и приподнял, чтобы наши глаза оказались на одном уровне.

– Тамбовский волк тебе товарищ! Ты, ошибка природы, как разговариваешь офицером! Встать смирно и доложить по уставной форме, какого хера вы тут делаете, если до позиций два километра?! Или расстреляю на месте как труса и дезертира.

Я вернул его на землю и стал ждать ответ. Поль сдёрнул с плеча и вскинул ручной пулемёт, а остальные парни – автоматы, направив их на морскую братву. Такой убедительный аргумент заставил всех начать одёргивать форму, приводя её в надлежащий вид, и встать по стойке смирно. Мелкий матросик, немного заикаясь, проговорил: «Господин офицер, мы рады защищать, да не знаем где».

– Что у вас за команда?

– Сводная команда с миноносцев «Буйный» и «Резвый» Черноморского флота: гальванёры, мотористы и механики машинного отделения. Приданы отряду броневых автомобилей «Руссо-балт». Докладывал старшина первой статьи миноносца «Буйный» Коржушенко Игорь Вячеславович.

– С каких пор имя отчество входит в доклад? Судя по тому, как вы себя ведёте, вы не гальванёры, а гальюнисты и, максимум, что вам можно доверить – это драить палубу. Враг топчет нашу землю. Немцы и австрийцы хозяйничают на захваченных территориях, а вы фронт развалили. Победите врага, тогда и устраивайте революцию. Царь и помещики не способны сделать что-то хорошее для народа, но это наши капиталисты. А бросая фронт, вы хотите, чтобы вас ещё и европейские буржуины запрягли! Те нашего брата вообще за людей считать не будут – мы для них папуасы из очередной колонии. Встали в строй, товарищи матросы. Где ваша часть?

– Нет её, разбили в атаке.

– Дебилы!

– А мы тут причём, что часть разбили?

– Не вы, а те, кто бросил консервные банки на немецкие пушки. Встали в строй и шагом марш за моими людьми.

Сзади за Игорьком топал и бухтел здоровый матрос первой статьи, которого называли Лексей, а фамилия его была Андраченко.

– Говорил тебе, Игорёша, чтобы ты меньше выделывался. Видел же, что офицер! У него на морде написан, как его, слово больно мудрёное...

– Антилект, шо ли?

– Во-во, антилект написан!

– Да, гад, чуть не расстрелял. Я уж, брат Леха, с жизнью попрощался, когда его держиморды на меня свои ружья навели.

Идущий в конце колонны Клык обернулся и буркнул: «Хватит бухтеть, водоплавающие, пока рыло не начистил. Интеллектуалы нашлись».

Моряки замолчали и потопали вслед уходящей к линии фронта колонны жандармов. Так у нас появилась отдельная команда механиков.

Незаметно пролетел месяц, наступили февральские метели – собачье время. Мы квартировались в селе под Луцком. Село было не бедное, но годы войны и постоянные реквизиции продовольствия австрийцами, захватившими эту территорию в 1915 году, сильно подкосили благосостояние жителей. Мужиков в селе не было, жили совсем юнцы и старики. Конечно, у нас в отрядном хозяйстве подрабатывали местные жительницы, стирая и латая солдатское бельё, но заработанных на этом грошей для жизни было мало. Ко мне обратилась женщина по имени Юлия, до войны приехавшая из Киева к родителям мужа, да так и застрявшая здесь.

У неё была трёхлетняя девочка и сын лет четырнадцати. Муж был рекрутирован в армию и пропал без вести.

– Пан командир, голодно, детей не выхожу. Можно, я у вас постоянно работать буду?

Я сказал женщине явиться в нашу часть завтра с утра, чтобы устроиться на кухню. Она пришла только к обеду и, найдя меня, попыталась объяснить ситуацию. С горем пополам я понимал её речь, а чего совсем не мог, мне переводили Чеслав, Збигнев или наши украинцы. Так что Юля с ходу выдала: «Вибачте, товаришу командир, що запізналася я. Поки дітей нагодувала, а тут ще ночью з австрійського полону родич прийшов – худий, зарослий і хворий. З ним провозилася. Він у нас рахівник був, пише і вважає добре. Ось він срібну запальничку приніс, просить таблеток дати».

Тут в разговор встрял Глобус.

– Таш командир, а чего она сделала? Слово какое-то непонятное на «З» начинается?

– Опоздала, Глобус, просто опоздала...

– Ох, ёрш твою медь, сильно звучит. Главное, чтобы в культурном обществе его правильно выговорить. А чего ещё сказала?

– Родич с плена пришёл, счетовод хороший, но болен. Даёт зажигалку, чтобы мы таблетку дали.

– Чого смієтеся, всякий може запізнаватися, коли багато справ робити треба. Прийміть родича на роботу, якщо він вам здається до вподоби, пан Глобус.

Услышав новую Юлину реплику, Глобус немного опешил, почесал голову и переспросил: «Чего она там про меня сказала?»

Тут в разговор, сдерживая смех, встрял Коржушенко.

– Спрашивает, мол, пан Глобус полный доводобод или с ним можно работать?

– Коржик, счас как дам по кумполу, договоришься у меня!

Тут уже вступился я.

– Коржик, отставит издеваться над товарищем! Чеслав переведи.

– Юля попросила принять родича на работу, если он окажется угодным пану Глобусу.

– Видишь, Серёга, девушка все нормально сказала, это некоторые несознательные матросы развлекаются. Так, Юля, ты тоже не волнуйся. От того, что запизнилася, ничего страшного не произошло. Сделала свои дела и хорошо. А сейчас Глобус покажет твоё рабочее место. Серёга, введи нашу новую повариху в курс дела.

– Сделаем, шеф, пошли, барышня.

– Кэн, осмотрите её родича, только серебряную зажигалку верните.

– Алексей, за кого ты нас принимаешь, что мы сами себе зажигалок не добудем?

Так Юлия начала кашеварить в нашем отряде, её трёхлетняя дочка Карина, естественно, стала постоянной составляющей кухни, а её родственник Михайло помогал поварскому отделению Глобуса и Коцея, занявшись учётом припасов и снабжением. Сын Даня был записан в штатные разведчики, поэтому с ним были проведены ускоренные курсы молодого бойца по вопросам маскировки и ведения наблюдения.

Юля была женщина симпатичная – невысокая, стройная и фигуристая, довольно весёлая и очень вкусно готовила. С бойцами не робела, общаясь весело, но держа дистанцию. Так что ребята любили с ней поболтать: кто-то просто трепался, а кто-то пытался ухаживать с серьёзными намерениями.

Наш бравый гальванёр Игорёк Коржушенко, в простонародье Коржик, тоже отметился в нелёгком деле ухаживания. Учитывая его габариты, а был он на полголовы ниже дамы, так что Коржика даже в ухарской бескозырке за Юлей не было видно от слова «совсем». Да и со стороны он казался не ухажёром, а младшим сыном, соревнуясь в росте с некрупным Даней. Учитывая такие выверты природы, касаемые его богатырской стати, ухаживания Коржика стали

поводом для шуток всей нашей честной компании. Корж вначале воспринял с обидой реакцию Юли, а затем сам стал смеяться над ситуацией.

Как-то за обедом я стал свидетелем рассказа Юли о подвигах Игорька, у которого под глазом появился синяк. От незнакомых, но забавно звучащих слов, нам всем было смешно. Прослушав начало, мы поняли, что половину слов не поняли, поэтому я обратился к нашему переводчику: «Чеслав, переводи, что сие означает».

А Юля рассказывала.

– Днями підійшов до мене Ігорьок і кличе щось показати. Я ж пішла, цікаво ж, що він приніс. А цей кавалер дістає коробочку і підморгує мені. Я думала колечко або ланцюжок приніс, а він гумовий нацююрник дістає і показує. Я аго ополоником по лобі стукнула и кажу: «Ах ти лиходій пісунковый, що удумав!»

Затем вступал в разговор Чеслав, переведя сказанное: «Днём ко мне подошёл Игорёк и позвал чего-то показать. Я пошла, интересно же, что он принёс? А этот кавалер достаёт коробочку и подмигивает мне. Я думала колечко или какой подарок принёс, а он презерватив дослал и показывает. Ну она его половником по лбу стукнула, заругав: «Ах ты, развратник, что удумал!»

Народ подначивал Игорька.

– Коржик, ты же говорил, что лицом об пулемёт стукнулся, когда чистил его?

– То так оно и было! Мужики, вы чего, не верите мне?! Точно говорю, о пулемёт зачипився. А половником она промахнулась.

– Звичайно промахнулася, цілилася по лобі, а потрапила під око.

Мы ржали с Игоря и Юлиной речи. Юля продолжила рассказывать дальше, а Чеслав синхронно переводить.

– Піздрю на пана Ігоря и звідаю: «Што сь ниська таки парадний, сись мій файний!»

– Смотрю на пана Игоря и спрашиваю: «Какой ты сегодня нарядный, друг мой красивый!»

– Я шкіритися стала и звідаю: «Штось ся упулив. Твоя пуцка до май пички не дотянется, бо дрібний ти. До того ж твій пуцка як ті штрімфлі на мотузке висять. Файня бабоуку, бо пуцлика май дитяти подарував би».

– Юля стала смеяться, снова спросив, мол, чего смотришь? Твой «дружок» до её «подружки» не достанет, ибо маленький ты росточком. К тому же твой «боевой жезл» висит, словно те носки на верёвке. Лучше дочке куклу или соску подарил бы.

– Бачу, засмутився Ігореша зовсім, я його заспокоїла: «Та не миригуйся, я фіглюю».

– Вижу, что Игорь смутился совсем, поэтому успокоила его: «Не нервничай, я шучу».

Тут Игорек прорезался: «Да не так всё было. Я думал, может, чего Юле помочь треба, воды с озера принести, вот и пришёл. Так же Юля?»

– Ось же брехун, допомогти мені хотів. Я і попросила: «Раз прийшов, Ігорьок, піди раз до озера, та води набери. Він набрав, на тому і помирилися».

Снова народ заржал, смакуя отдельные обороты речи, а я спросил у парня.

– Игорёк, ты чего такой резкий? Поухаживал бы сначала за дамой, а то, действительно, словно метеор, сразу с презервативом в гости пришёл.

– А мы, моряки, вообще, народ резкий. Девушка мне нравится, вот я и подумал, чего попусту буйреп за конец дёргать, лучше сразу пришвартоваться к причалу. Ты же не против, командир?

– Ради Бога, только этот вопрос ты с Юлией выясняй.

– Вот в том-то и загвоздка – не любит она моряков.

Так что по смеху бойцов найти девушку в расположении отряда было несложно. Через несколько дней снова попал на смех.

– Чего смеёмся?

– Сырники ищем.

– Серёга сырники приготовил на ужин?

– Нет, Юля попросила сырники найти, потом шваблики, вот мы и ищем что это такое.

– Товариш командир, я, щоб розпалити в грубці вогонь, сирники шукала, а вони іржуть як коні і з сирниками тепер пристають.

– Учи русский язык, Юля, а то твои нацююрники со швабниками дислокацию отряда смехом демаскируют. А может быть, и правда сырники получится сделать – давно не ели такого блюда.

Учитывая то, что украинский язык являлся солянкой языков разных народов, да ещё вставлялись слова из разговорной речи, а не литературного языка, то иногда проскакивали словечки, звучащие довольно забавно. В самом начале появления в отряде украинцев, включая Юлиного родственника Михайло, дело дошло до драки. Маленький росточком, но крепенький Глобус напал на ничего не понимающего здоровяка Михайло с криками: «Ты как с начальством разговариваешь, гадёныш!» Когда бойцов разняли, стали выяснять в чём дело. Оказалось, что Михаил, служащий счетоводом и снабженцем в отделении поваров Михаил, обратился к начальнику отделения со словами: «Пан Глобус, ти підрахуй, скільки у нас солдатів в строю, а я порахую, скільки докупити крупы».

Глобусу перевели сказанное.

– Тьфу ты, так бы и сказал, что попросил пана Глобуса, то есть меня, подсчитать, сколько солдат в строю, чтобы докупить нужное количество крупы. А то бормочет непонятно что!

Когда Михайло объяснили, за что на него напал начальник, тот лишь оправдывался.

– Пан Глобус, друзі, я не знаю переклад на російську, ось і кажу як могу.

– Михайло, не надо ничего перекладывать, пусть всё лежит, как я положил.

– Глобус, ты хоть угомонишь, переклад – это перевод по-украински.

Серж получил задание из штаба Брусилова притащить из-за линии фронта штабного. А дело было в том, что авиаторам показалось, что в районе Торчина шло накопление австрийских сил. На разведку отправились Корж, Данила, Збигнев, Чеслав, Горд и Поль. Первые косили под местных, и являлись разведкой, а последние осуществляли силовую поддержку. Чтобы пройти линию фронта требовалось пересечь два ряда натянутой проволоки. Ближняя к нам была под напряжением, о чем говорили висающие на ней трупы зайчиков и даже молоденькой косули, а на второй ничего такого не наблюдалось. Думали перекинуть парней ночью самолётом, но было непонятно, где садиться бомбардировщику, поэтому решили, что группа подготовит себе проход под колючкой. Подготовили провод, прикрученный к металлическим захватам типа «крокодилов», рогатые штыри-подставки, проволочные кусачки, потренировались днём на организованном макете, а в ночь ушли за линию фронта. Длинным запасным проводом сделали обводную петлю, чтобы не разрывать цепь и у австрийцев не сработала лампочка, говорящая о разрыве проволоки, которую накинули на рогатины. Затем вырезали туго натянутую проволоку с 220 вольтами, подрыли немного землю и аккуратно, не зацепив вторую нить, преодолели первое препятствие. Под вторым проволочным ограждением парни просто подкопались, прикрыв подкоп взятыми с собой веточками и травой. В Торчине они выследили австрийского офицера в чине полковника, решив, что такая шишка должна знать обстановку. Спеленав его, на следующую ночь группа возвращалась тем же маршрутом. Однако попали на патруль, отчего пришлось разделиться – двое уводили патруль, отстреливаясь, а другая часть команды, смогла проскользнуть тем же маршрутом, притащив пленного.

Я сразу повёз полкана в ставку Брусилова, который рассказал, что свежих частей на этом участке фронта не было, а проводилась локальная перегруппировка двух полков. Вернувшись днём в часть, оказалось, что под утро прибыли Даня и раненый Чеслав. Чеслава сразу определили в лазарет с простреленной спиной, а Даня рассказывал, перемежая русские слова и местного диалекта.

– Возвращаемся домой по лесу, парни тащат пленного, а тут патруль. Началась стрельба. Польскомандовал разделиться, Он, Горд и Збигнев пленного підтягли до проходу, а ми стали стріляти, уводя австрияков в лес. Патруль ми пострілявши, а тут слышим команды на немецком, мол, окружай русских. Ну, мы драпака и дали. Побегали по лесу, а часа через два вернулись назад к фронту. Найти не можем ориентиры прохода, пришлось ждать, когда начнёт светать. Тогда поняли, куда ползти надо, сунулись, а тут «секрет» австрийский в кустах. Они Чеслава и ранили, а Корж їх гранатой вбив. Чого робити – не ясно. Чеслав ранен, и австрийцы по окопам бегать стали. Ещё темновато было, поэтому ми поповзли до підкопу у дроті, а Корж от нас немчуру уводити стал. Мы перешли, а Корж так и остался за дротом. Чого з ним далі стало, того не ведаю.

Народ стал смеяться, и я в том числе, а Даня озадаченно спросил: «Товариш командир, чого смішного?»

– Учи, русский, Даня.

Коржушенко, уставший и голодный, вернулся следующей ночью. Народ сразу принялся его подкалывал, мол, Коржик, тяжело за дротом быть или нормально? Игорёк так и не понял, чего народ смеялся: «Да, ну вас, ржёте, як кони, непонятно с чего. За колючкой страшно, от австрияков насилу убёг».

Юля, Михайло и остальные наши хохлы под руководством Збигнева учили русские слова, а Даня вообще «влёт» осваивал чужой для этой местности язык, вскоре достаточно правильно разговаривая по-русски. В конце месяца я подозвал нашего сына бригады Данилу, вручив ему кошелёк.

– Служил ты честно и исправно, вот тебе гомонец с первой официальной зарплатой рядового жандарма.

– Рад стараться, товарищ командир.

Полным ходом шло революционное разложение армии и военно-морского флота. Морячки первыми поддались анархии. Если в 1914-1915 году они ещё подчинялись командирам, то позже все больше и больше становилось случаев дезертирства, неподчинения офицерам и откровенных вооружённых бунтов. Мародёрство и бандитизм людей с оружием расцветал махровыми цветами. Солдаты оставляли позиции ротами, матросы расстреливали офицеров, объявляя себя очередным независимым революционным отрядом.

На заседании штаба бригады я махал приказом и настаивал на сворачивании её действий с передислокацией в Якутию. Выступил Серж: «Командир, на нас надеется Брусилов. Мы в какой-то степени являемся цементом армии на этом участке фронта. Я не имею права бросить фронт, несмотря на приказ».

– Хорошо, тогда я убываю в Петербург. Там скоро начнутся большие дела.

Глава 2. Февральская буржуазная революция

В самом конце февраля начался стихийный порыв народных масс в условиях острого политического кризиса власти, резкого недовольства либерально-буржуазных кругов единой личной политикой царя, «брожения» среди столичного гарнизона, присоединившегося к революционным массам. На совещании в военном министерстве Николай довел командующим свою волю.

– Господа, я получил заверения министра внутренних дел Протопопова о том, что ситуация в столице полностью под его контролем. Арестованы члены Центрального ВПК, занимавшиеся подготовкой массовой демонстрации, запланированной на 14 февраля – день открытия новой сессии Госдумы. Министр абсолютно уверен, что нам удалось подавить революцию в зародыше. В связи с этим 22 февраля я убываю в Ставку Верховного главнокомандующего под Могилев. Пора готовить наступление на фронте.

Несколько человек переглянулись, сказав глазами: «Нам тоже пора приводить свой план в исполнение». План заговорщиков был прост и воплотился в жизнь 1 март во время поездки государя в Могилев. Люди Рузского задержали царский поезд и, арестовав царя, заставили его отречься от престола. Рузский, Родзянко, Михаил Алексеев, родственнички – все навалились на императора с просьбами и требованиями отречься. Николай хотел отречься в пользу братьев, затем сына, но такой вариант не устраивал никого из новых лидеров. Кроме «Акта об отречении» Николай II подписал ряд других документов, отправив в отставку всех министров, назначив князя Львова председателем нового Совета министров, а великого князя Николая Николаевича Верховным главнокомандующим.

27 февраля началась всеобщая забастовка, переросшая в вооружённое восстание. Войска, перешедшие на сторону восставших, заняли важнейшие пункты и правительственные здания столицы. Разрозненные и немногочисленные силы, сохранившие верность царскому правительству, не справились с охватившим столицу хаосом, а несколько частей, снятых с фронта, даже не смогли пробиться к городу. За актами Николая II и его брата, Михаила Александровича, последовали публичные заявления об отказе от своих прав на престол других членов династии Романовых.

В итоге власть в стране перешла к Государственной Думе. Практически одновременно буржуазно-демократическими силами был сформирован параллельный орган власти – Петроградский Совет. В столице получилось двоевластие. Петросовет являлся органом революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства, опиравшимся на регулярные запасные полки Петроградского военного округа. Несмотря на пролетарское название, власть в нем держали не рабочие и солдаты, а буржуазия. Главой Исполкома совета стал Чхеидзе – лидер меньшевиков, его заместителями – меньшевик Скобелев и эсер Керенский. Все трое являлись членами IV Государственной Думы и высокопоставленными масонами. 14 марта новая власть была установлена в Москве, а в течение марта во всех крупных городах страны. Весь март новые руководители совещались, деля портфели и формируя Временное правительство. Отречение от престола Николая II поставило крест на 300-летнем правлении династии Романовых.

Всю власть в стране взяло Временное правительство под председательством князя Георгия Львова, тесно связанное с возникшими в годы войны буржуазными организациями: Всероссийским земским союзом, Городским союзом и Центральным военно-промышленным комитетом. Временное правительство объявило амнистию политическим заключённым, гражданские свободы, замену полиции «народной милицией», реформу местного самоуправления. При этом активно взялось за бывшего царя и его имущество.

5 марта 1917 года исполком Петросовета постановил арестовать всю царскую семью, конфисковать их имущество и лишить гражданских прав. В Могилев была направлена специальная комиссия во главе с комиссаром Временного правительства Бубликовым. Перед отъездом Николай II издал прощальный приказ войскам, в котором завещал «сражаться до победы» и «повиноваться Временному правительству».

8 марта новый командующий войсками Петроградского военного округа генерал Лавр Корнилов лично арестовал императрицу, главным образом спасая от возможного самосуда со стороны царско-сельского гарнизона. 9 марта Николай II прибыл в Царское Село не в качестве императора, а как полковник Романов.

Следующими должны были полететь головы всех его назначенцев, включая мою. Так и случилось. Одним из первых указов Временного правительства был «Указ о ликвидации жандармерии». Мне это напомнило действия советского правительства 1992 года о ликвидации «Альфы», реформировании КГБ на несколько независимых ведомств: ФАПСИ, ФПС, ФСБ.

За многими высокопоставленными жандармами началась охота новой милиции. Их вызывали на допросы и некоторые господа жандармы переезжали на поселение в Петропавловскую крепость. Там же оказался и генерал Реннекамф – слишком хорошо воевал. Ерофеев, прилетевший домой после допроса, с порога заорал: «Надя, срочно собирайся, берём только самое ценное!»

– Что такое, Иван?

– Чую, посадят меня. Надо бежать в Якутск.

Не желая быть арестованным, я маскировался и находился в городе под чужим именем. Мне оставалось только проконтролировать передислокацию отряда из столицы в Якутск и бежать вместе с ними. С такими думами я брёл по Невскому к своей гостинице, вдруг нос к носу столкнувшись с давним знакомым. С внутренним ожиданием я спросил его: «Иван Васильевич, здравствуйте! Как вы, где служите?»

Меня смерил высокомерным взглядом капитан первого ранга Иван Васильевич Ларин.

– В Петрограде служу-с. Я теперь при штабе Временного правительства, отвечаю за российский флот. Тяжёлые нынче времена наступили, агитаторы заполнили флот, а враг стоит у порога. Сволочи, предатели России!

– Так это агитаторы Временного правительства разложили армию и флот, и вместо поддержки императора и консолидации усилий, ударили ему в спину.

– Увы, мой друг, вы многого не понимаете. Император слаб, он не способен вести за собой страну к победе.

– Насколько я знаю историю, Иван Васильевич, ни один русский император не умел командовать. Пётр Первый и тот опирался на генералитет, а про остальных стратегов даже говорить не хочу. Они кроме вреда ничего стране не принесли. Всё делали полководцы, а император лишь парады принимал. Он – флаг государства.

– Вот как вы мыслите, Алексей Николаевич. Жалеете о монархии?

– Ничуть. Ради процветания государства правители, неспособные управлять страной, должны уйти сами или быть сметены. Вопрос в том, кто придёт на смену. Как сказал один известный гражданин: «Правительство – это не тот орган, где можно только языком». А во Временном правительстве собрались одни болтуны. Они не контролируют ситуацию, оторваны от реалий, считая, что убрав императора, стали хозяевами страны.

– Одни болтуны? Они смогли взять власть в государстве, а вы говорите – болтуны. И кто же, по-вашему, хозяин?

– Большевики. Скоро они возьмут власть в свои руки, возьмут жёстко и надолго. Где Юлия?

– А вы, молодой человек-с, где теперь служите-с – на гражданке чиновником или литератором?

– Вы, видать, совсем газет не читаете, раз не знаете, кто я такой?

– Нет-с, не имею интереса читать сплетни. Правда, слышал, что ваш однофамилец большой чин имеет. Ещё подумал, надо же какие бывают совпадения. А вам я скажу, что в это время место мужчины на фронте. Вы, случаем, не собираетесь туда?

– На фронте? Иван Васильевич, а вы сами отчего не на фронте, а при штабе штаны протираете?

– Я в распоряжении. Должен же кто-то руководить флотом.

– Что-то я не слышал о каких-либо успешных действиях флота на Балтике за годы войны. Руководство бездарное или я снова чего-то не понимаю? Так, где Юлия?

– С моей супругой и Екатериной с детьми она живёт в Кронштадте.

– Увезите их оттуда. Видите, что кругом анархия. Во всей своей кровавой беспощадности она проявится среди моряков. Скоро в городе станет очень опасно. Многие семьи офицеров могут оказаться убитыми.

– Ерунда, Кронштадт – это оплот флота.

– Не будь дураком, увези их в Сестрорецк, Тихвин, куда угодно!

– Я разберусь, благодарю за беспокойство. Прощайте, Алексей.

– Упрямый дурак!

Ларин пошёл в сторону Адмиралтейства, я же метнулся в порт, где уселся на катер, идущий в Кронштадт. На мне была гражданская одежда, ибо появляться в форме жандарма в городе было опасно. Катер прибыл в порт Кронштадта, и я по сходням сбежал на пирс. Город бурлил, анархические настроения расползались по флоту, словно вирус, дух вседозволенности витал в воздухе. Несмотря на военное время, по городу шатались пьяные матросы, на площадях, возле собора, на набережной стояли группы гражданских и моряков, слушающих агитаторов. Левые и правые, эсеры и анархисты, меньшевики и большевики вербовали себе новых сторонников. Всё было, как в Петрограде, только с учётом большой концентрации военных моряков. На некоторых кораблях уже прошли кровавые расправы с офицерами, дело шло к общему взрыву.

Из порта я отправился в отдел кадров Кронштадской военно-морской комендатуры. На входе меня тормознул дежурный мичман.

– Кто и куда?

Хотелось сказать ему: «Я и туда!», – но вместо этого достал ксиву жандарма. Мичман холодно ответил: «Вам туда, пятый кабинет, господин генерал-майор». Я направился в указанном мичманом направлении, услышав разговор мичмана со вторым дежурным.

– Кто это такой?

– Жандарм, прихвостень царизма.

Узнав в кадрах адрес дома, где проживал Ларин, я бодро зашагал на квартиру. Мне хотелось увидеть эту женщину. Сколько лет прошло с тех пор, как я встретил её молоденькой девушкой, а память не отпускала. Зайдя в «парадное» двухэтажного доходного дома, мне очень не понравились голоса, которые раздавались этажом выше. Я открыл кобуру и нащупал тяжёлый «Люгер», затем расстегнул пальто, приготовив к быстрому выхватыванию из плечевой кобуры второго пистолета «ТТ». Достав пистолет, поднялся на второй этаж. Двери обеих квартир были приоткрыты. В одной квартире раздавался женский крик, и в обеих слышался детский плач. Метнувшись в квартиру, где кричали, в прихожей наткнулся на бабу, лежащую на полу. Крови не было видно, но и следов жизни бабка также не подавала. Возможно, жива, но потеряла сознание. В спальне два морячка на кровати разложили женщину. Похоже, это она и кричала. В зале плакали двое малышей, а трое балтийцев занимались тем, что шарили в серванте, вытаскивая серебряную посуду и деньги из запирающегося на ключ ящика. Пистолет с глушителем отработал чётко, три хлопка организовали три трупа. Двум морякам в спальне было явно не до меня, поэтому я рванул на кухню. Там никого не было, зато из второй спальни

высунулась голова в бескозырке. Наши глаза встретились, после чего со лбом матросика встретила пуля из моего пистолета. В этой спальне больше никого не оказалось, как и в санузел. Проверив комнаты, я занялся оставшимися в квартире бандитами. Два тихих хлопка и секс-террористы отправились в мир иной неудовлетворёнными. Снова раздался крик молодой мамаша. Сбросив с женщины труп матроса на пол, успокаивающе проговорил: «Тихо, они убиты. Закройте за мной квартиру».

Женщина стала прикрываться и, всхлипывая, закивала головой.

– Мои дети живы?

– В гостиной.

Затем я сменил обойму, достал второй пистолет и побежал в квартиру, куда направлялся изначально. Там слышались грубые голоса, потом пощёчина и ответный удар, женский вскрик и падение тела. Затем послышался голос девушки: "Забирайте всё, только не трогайте нас и детей".

– Хорошая курочка. Не беспокойся, мы всё заберём, а ты всё отдашь. Братва, тащите обеих офицерш на кровать, поиграем, а остальные пока займитесь сбором добра. Потом будет ваша очередь.

Не видя противников, я не мог ворваться и начать стрелять. Вначале требовалось разобрататься в обстановке, чтобы не пристрелить, кого не следует.

Запричитала мама девушек: «Да, что же вы творите, ироды!»

– Заткнись, бабка! Хотя, пошла вперёд, тоже вспомнишь молодость, ха-ха-ха.

Услышав крики и звуки борьбы, я заскочил в санузел. Мимо него из гостиной матросы потащили женщин в три спальни. Когда двери закрылись, я зашёл в зал, где прихлопнул обоих моряков, копающихся в белье. Тут же сидели на полу и плакали малолетние детишки Кати. Я заходил в спальни и стрелял в насильников. В этой квартире оказалось семь трупов.

– Милый Лёша, это ты! Как же ты вовремя.

– Что вы здесь делаете? Почему не в вашей квартире в Питере?

– Когда Ивана перевели с Кронштадт, мы все сюда и переехали. В это беспокойное время решили жить все вместе. Муж Кати, капитан пехотного полка, воюет под Вильно.

– Так, барышни, сейчас уложим трупы в прихожей и отправимся в Петербург. Там ещё у ваших соседей такая же беда.

– Бедная Сима!

– Пишите записку мужу, а я потаскаю тяжести. Надо быстрее бежать, пока сюда не заявились товарищи убитых.

Обе семьи написали записки родным, оставив их на столе, после чего, собрав необходимое, большим табором выдвинулись в порт. Там сели на катер, идущий в столицу. В пути я не разговаривал с Юлей, общаясь лишь по делу. Девушка не навязывалась, но я все время ловил на себе её взгляды. В порту, взяв извозчиков, доехали до отеля "Астория". Я оплатил номера на неделю.

– Девушки, поживёте пока здесь. Вот вам пара тысяч рублей «на покушать» и прочее, а я пока занят делами. Отдыхайте, а завтра пообщаемся и решим, что делать. Рекомендую подумать о переезде в Якутию. Там хорошо, хотя и холодно.

В холле отеля меня ждал гонец от Ценка, просившего прибыть на базу. Перед уходом, обратившись к женщинам, произнёс: «К десяти вечера я подойду и решим, что делать». Однако в отель у меня получилось вернуться лишь вечером следующего дня. Я возвращался в хорошем расположении духа, планируя свой разговор с Юлей и программу действий. Беря ключи, администраторша отдала мне заклеенный конверт. Поднявшись наверх, я обнаружил, что оба номера пустые. Я прочитал записку, где Юля сообщала, что приехал отец и забрал их. К соседке также прибыл муж, так что они тоже уехали. Я сжёг записку в пепельнице.

– Что же, как гласит народная мудрость: «Всё, что ни делается – к лучшему».

Получивший приказ о расформировании Корпуса, комендант базы Ценк отдал приказ о её свёртывании. Курсанты, проходящие обучение, были распущены по домам, чтобы забрать родных и быть готовыми отправиться в Якутск. Забрав супругу, первым же поездом Ерофеев готовился отправиться в наместничество. Серж, ознакомившись с приказом, рванул с бригадой в Питер, чтобы забрать отрядное имущество, решить текущие и семейные дела и отправиться в Якутию.

При встрече я зло высказал Ерофееву и Сержу свои соображения о долге и обязанностях.

– Господа, взрослые уже люди, давно пора научиться расставлять приоритеты, по отношению к которым требуется соблюдать долг. Когда можно было все сделать спокойно, вы водили му-му, руководствуясь своими соображениями. Зато сейчас героически бегаете по городу, пряча от полицейских и спасая специмущество.

Титовский, Ценк, бригада и курсанты с семьями, собрав учебные пособия и тренажёры, поездами уезжали в Москву, а оттуда в Иркутск. Ананьев со многими своими коллегами по работе также перебрался в Якутск, поступив на службу в местное жандармское управление.

В наместничество пришла депеша: «Наместнику Семенову приказываю прибыть в Санкт-Петербург для передачи дел. Председатель правительства князь Г. Е. Львов». Аналогичная депеша пришла о снятии Джека. Джек проигнорировал её, дожидаясь меня. Прибыв в Якутск и прочитав приказ, я посмеялся.

– Ёмкое слово на три буквы знаешь? Вот его и положи на их распоряжения. Отпиши в столицу: «Слушаюсь, будет исполнено», – и забудь об этом. Мы тут хозяева, пусть придут и попробуют нас снять.

Поскольку никто в столицу для передачи дел не прибыл, через месяц пришла очередная депеша за подписью Львова, в которой нас известили о назначении новым наместником графа Мясоедина и предписывали в кратчайшие сроки прибыть в столицу. В Иркутске к кортежу графа подошёл человек в кожанке, какие одевают авиаторы, а в будущем станут носить чекисты.

– Господин граф, я начальник Северо-Восточного жандармского управления граф Михаил Владимирович Азовкин.

– Здравствуйте, граф. Разве у вас не упразднили жандармов? Граф Мясоедин Аристид Софоклович, я новый губернатор Северо-Дальневосточной губернии.

– Именно по этой причине я прилетел в Иркутск. Возвращайтесь в Санкт-Петербург, граф, не тратьте своё время.

– Не понял вас, граф?

– Князь Семёнов дал указание встретить вас и проинформировать о том, что князь плевать хотел как на само Временное правительство, так и на его распоряжения.

– Как вы смеете!

– Молчать! Отправляйтесь назад, если не хотите оказаться под арестом.

После этих слов Рыбак махнул рукой и к гостям стали медленно приближаться люди в чёрных куртках с автоматами наизготовку.

– Значит, так вы! По-хорошему не хотите.

– Это вы называете "по-хорошему"? Семёнов в пустой тайге и тундре поднимал промышленность, строил инфраструктуру, а ваши думцы ему только палки в колеса ставили. А теперь, видите ли, ему «надлежит явиться для передачи дел». Придите и заберите свою должность, а если кишка тонка, тогда не лезьте, куда не просят.

– Я доложу об этом на заседании правительства.

– Хоть доложите, хоть наложите. Прощайте, граф Мясоедин.

Несостоявшийся губернатор в расстроенных чувствах возвратился в Санкт-Петербург. На заседании Временного правительства, прошедшего в мае 1917 года, граф Мясоедин докладывал о возникшей ситуации. Реакция министров была предсказуема.

– Высочка! Князем стал без году неделя, а мнит себя пупом земли. Будем направлять войска и конфисковать всё его имущество, а самого Семенова под арест.

– Простите, князь Львов, я ещё не закончил. Граф Азовкин напоследок сказал, что в случае репрессий с нашей стороны Семёнов оставляет за собой право уничтожить всех причастных к этому решению министров правительства.

– Сволочь, совсем потерял чувство реальности.

Поднялся начальник штаба русской армии Алексеев.

– Господа, я имел возможность соприкоснуться с Семеновым на фронте. У него очень опасное подразделение из жандармов, причём, крайне озлобленных на нас из-за вашего приказа о расформировании Корпуса и аресте ряда его руководителей. Так вот, господин Милютин, я отказываюсь голосовать за санкции против Семенова. Я солдат и не боюсь смерти, но вовсе не хочу проснуться ночью едущим на его шахты в Якутию или, чтобы меня нашли с перерезанным горлом, как немецкого генерала Грубеша, применившего газы против русских войск. А ведь генерала охранял полк рейхсвера.

– А если мы направим войска?

– То в городе мы его не найдём. Он уйдёт в леса и начтёт против нас боевые действия. Лично я хочу жить, господин Гучков.

Взял слово министр Борис Савинков.

– Насколько я знаю, Семенов обычный диверсант и убийца. Он является создателем отряда специальных операций, который провёл много громких акций по подавлению восстаний. Его нужно либо убить, как и всех его соратников-боевиков, либо не трогать.

– Хорошо, мы займём нейтральную позицию. Проинформируйте Семенова о сохранении всех его полномочий. К тому же у некоторых из нас есть деловые отношения с предприятиями Семенова. А с ним разберёмся позже, когда укрепим свою власть.

Джек получил правительственную телеграмму с уведомлением о сохранении всех положений о наместничестве, действующих при императоре. В ответ он отбил письмо: «Благодарю за доверие. Будем и дальше работать на укрепление России».

Я же засел в Якутске, занявшись развитием наместничества и координацией деятельности наших филиалов в США, Никарагуа, Эмиратах. Месторождения разрабатывались, добывались золото и самоцветы, цветные и черные металлы, материалы для строительной и нефтехимической отрасли. Заводы работали, выпуская продукцию военного и мирного назначения, развивалось тепличное сельское хозяйство, животноводство и рыбная промышленность. На высокий уровень поднялись медицина, образование и культура в крае. Железная дорога связала Якутск, Охотск, Магадан, Мирный и Иркутск. Построенные аэропорты позволили запустить ежедневные авиарейсы пассажирских самолётов «Илья Муромец» между Иркутском, Якутском, Магаданом, Анадырем, Петропавловск-Камчатским, Охотском и Мирным. Легкие самолёты «К1» и первые вертолёты летали между приисками и дальними заставами, осуществляя поддержку геологических партий и рыбаков. Построенные на верфях края кораблики курсировали между морскими портами региона, а торговые корабли и купленные в США сухогрузы ходили в Никарагуа и Эмираты.

Солдаты и казаки несли службу, тренировались и работали, выпускались новые «Осы» и бойцы отряда специального назначения, которому присвоили название самой ядовитой змеи мира «Тайпан». Выбор названия определялся «смертельностью» прототипа, хотя думали о пауках, оружии, растениях, птицах и даже японских названиях в духе «невидимые убийцы», предложенных Микадо. На самом деле смертельных вещей очень много, даже среди растений. Милые с виду, но ядовитые внутри, они прекрасно растут на приусадебных участках и в домашних горшках. Например, в палисадниках часто встречается привлекающая своим красивым видом клещевина обыкновенная. Растение содержит «рицин» – токсин, в шесть раз сильнее

цианистого калия. Достаточно десяти семян клещевины для смертельного отравления человека, а получить этот яд в лаборатории несложно.

Развивались все наши анклав, а Якутск финансировал эти проекты. Вместе с деньгами в регионы отправлялись мирные строители, врачи, учителя, рабочие и крестьяне, а для их защиты ехали солдаты, везущие новейшее оружие и технику. Всё активнее к реализации наших планов привлекалось местное население, а отобранные молодые парни из арабов и никарагуанцев проходили полный курс «Осы» в Мирном. Лучшие курсанты направлялись для прохождения дальнейшего обучения в «Тайпане».

Наступил июль 1917 года. Время неотвратимо бежало к новым, ещё более грандиозным событиям начала 20 века. Мне нужна была встреча с Лениным. Однако большевики были под запретом, отчего открыто с табличками «я – большевик» по городу не ходили. Но была одна зацепка, о которой я знал с детства. Инкогнито я вновь появился в Санкт-Петербурге. Собравшись словно на охоту: чехол со снайперской винтовкой внутри, два пистолета, гранаты в рюкзаке, индивидуальный меднабор и сухпай, я сел на паровоз и покатил в сторону Сестрорецка до станции Разлив. Погуляв по селу, нашёл дом станционного работника по фамилии Емельяненко, после чего стал следить за его жильцами. Под вечер с работы вернулся хозяин, а чуть позже он вышел с котомкой в руках и отправился в сторону Финского залива. Скрываясь, я двинулся следом. Выйдя на окраину станции, забрался на дерево и в бинокль стал наблюдать за маршрутом рабочего. Определив примерное направление его движения, стал осматривать территорию. Вдалеке между зарослей камыша поднимался дымок от костра. Я сполз с дерева, достал компас, взял азимут и продолжил свой путь. Через пяток километров вышел к нужной точке. Отчётливо тянуло запахом сваренной на костре уха. Замедлившись и выглядывая из-за камышей, увидел шалаш. Возле него горел небольшой костёр, трещали дровишки, варилась уха и два человека разговаривали. О чём они беседовали, я не слышал, но мне это было неинтересно. Спрятавшись в камышах, я просидел с полчаса, пока гость не ушёл домой. Прождав ещё минут десять, я вышел к шалашу. Было время белых ночей, так что я видел «партизана» довольно хорошо. Сидящий ко мне спиной мужчина что-то писал.

– Здоровеньки булы, товарищ Ленин.

Мужик дёрнулся, став шарить рукой в пиджаке.

– Грех стрелять в гостей, Володя.

– Тьфу ты, Алексей! Честно скажу, напугал. Как ты меня нашёл?

– Хорошая у тебя память, Ильич – запомнил, как меня зовут, хотя прошло столько лет. Я знал, что этим летом ты будешь скрываться где-то здесь, вот и нашёл.

Я не стал рассказывать ему о том, что про летнее сидение 47-летнего дедушки Ленина в шалаше на станции Разлив, советские дети читали в школьном учебнике. Мы поболтали о ситуации на фронте и развитии революционного движения в стране.

– Великие дела творятся, Лёша! Скоро будет революция, и мы возьмём власть в свои руки. Жаль только, здоровье стало подводить.

– Сифилис сейчас не лечат.

– Откуда ты знаешь?

– Я много чего знаю, Володя.

– Ты знаешь, как излечить эту болезнь?

– В будущем её будут лечить за месяц-другой препаратами под названием антибиотики. Сейчас таких лекарств химики и биологи не изобрели, но есть природные антибиотики. Они содержатся в ягеле, исландском мхе, лишайниках, что покрывают зелено-сине-жёлтыми узорами кору деревьев. Я не знаю, вылечат ли они человека от этой болезни, но хуже тебе не будет точно. Заваривай и пей, может быть, одолеешь или затормозишь её развитие. Купи эти препараты в «Зенит здоровье».

Ленин задумался, затем прищурился и продолжил.

– Когда-то мы спорили с тобой о будущем. Я посчитал тебя юным фантазёром, хотя не по годам интересным и даже перспективным в революционном деле человеком. Однако совершенно неожиданно, я стал замечать, что твои прогнозы сбываются. Лучшие умы партии не могли предсказать того, что спрогнозировал ты. Кто ты?

– Обычный человек, который видит некоторые вехи будущего. В 1901 году пошёл учиться в институт, где на меня вышли жандармы. Я дал согласие и стал работать в Корпусе. Получается, что тот доклад не только на тебя, Владимир, произвёл впечатление, но и на людей из охранки. А ныне, я надеюсь, ты знаешь, кто я такой.

– Наместник Дальнего Востока, князь и миллионер. Ты работал информатором?

– Нет, это не моё. Я сразу стал работать специалистом по ликвидации неугодных. Затем воевал в японскую, создав отряд специального назначения.

– Что за отряд?

– Мы работали в тылу противника, совершая диверсии.

– Значит, у тебя большой опыт такой деятельности?

– Ильич, ты даже не представляешь какой. И перестань озираться. Я пришёл один поговорить о нашем будущем.

– Зачем тебе понадобился я, товарищ Алексей? Хочешь сдать меня? Но жандармерия расформирована Временным правительством.

– Зачем я здесь? Пришла пора выбирать новый путь. Я и мои люди готовы встать под твои знамёна для свершения нашей, пролетарской революции.

– Не понял? Буржуй и эксплуататор готов встать на путь революционной борьбы?

– Прежде чем обвинять меня в эксплуатации, рекомендовал бы оторвать одно место и проехать посмотреть, какие условия труда я гарантирую своим рабочим. Сомневаюсь, что социалистическое общество, за которое ты борешься, сможет обеспечить людям такое. Работать там тяжело, но люди чётко знают правила нашей игры и получают отличные бонусы. Вам в советской России такого уровня благосостояния не достичь никогда. Что ещё? Ходить на маёвки и агитировать за вас я не буду, не по чину. Сейчас я могу выделить вам миллион рублей на текущие расходы. В сентябре я со своими командирами встречу с твоими лидерами, можно в Якутске, там спокойно, а нет, давай в Питере, чтобы сформировать штаб революции и выработать план действий. В нужный момент мои солдаты с оружием в руках помогут вам совершить переворот.

– Что нас ждёт в будущем?

– Партия большевиков возьмёт власть, совершив революцию 25 октября 1917 года по старому стилю.

– Что за старый стиль?

– С 1918 года твоим декретом страна перейдёт на другой календарь.

– Значит, мы возьмём власть. А дальше?

– А дальше вы будете бороться за неё, уничтожая своих врагов в гражданской войне против войск Антанты и Белой армии, сформированной из дворянства и казачества.

– Что ждёт меня?

– Ты – умнейший руководитель, скоро станешь признанным вождём мирового пролетариата, мощнее, чем Маркс.

– Сколько мне жить, как я закончу свои дни?

– Ильич, ты человек дела, зачем тебе знать точную дату смерти?

– Значит, ты знаешь её... Мне надо планировать нашу борьбу, на мне завязано очень много дел. Мне нельзя погибать.

– Когда мы победим, а ты станешь совсем больной, знай – твой путь близок к завершению.

– Как мы будем держать связь? Что будет с Временным правительством?

– Керенский толи переоденется бабой, толи просто сядет к американскому послу в машину, но сбежит из Зимнего. Он хитрый мужик, но болтун, не имеющий реальной власти. Самый опасный в правительстве – это Борис Савинков. Пока он министр, но скоро выйдет из правительства, не согласный с новым политическим курсом. Савинков вновь возглавит боевое крыло эсеров и доставит нам много хлопот. А когда свершится революция, вы объединитесь с эсерами для отпора дворянам, царской армии и иностранным интервентам. Белой армией будет провозглашён белый террор.

– Мы ответим красным террором!

– Правильно. Так что Ильич, ты можешь рассчитывать на меня.

– Кто бы знал, что юноша пройдёт путь от неизвестного гимназиста до алмазного короля страны.

– Ты тоже был неизвестным юношей, а стал вождём пролетариата. Пути Господни неисповедимы. А алмазы и золото – все разведанные мной месторождения останутся вам, новой власти России.

– Значит, 25 октября 1917 года мы совершим революцию.

– Для этого есть все предпосылки, потому что сейчас в стране созрела революционная ситуация.

– Когда низы не хотят жить, а верхи не могут управлять по-старому. Когда ты решил быть с нами, с большевиками?

– В 1900 году. Я же знаю будущее, иначе тебя и твоих соратников давно бы пристрелил, как врагов государства. Связь будем держать через Якутск или есть варианты? Теперь по вопросу денег. Твои люди могут через недельку зайти в «Зенит Рус» в Якутске за миллионом, я дам указание Леонидовой. Ладно, я пошёл.

Что подумал про себя Ленин, я не знал, но свой выбор я сделал давно. Не афишируя свой приезд, я узнал ситуацию на фронте и в столице, тайно пообщавшись с заместителем министра МВД Вячеславом Писановым и генералом Иваном Эрдели, прибывшим с фронта из ставки Брусилова.

16 июля Южная германская армия атаковала русских по всему своему фронту, но неожиданно получила решительный отпор. Корнилов подписал общее контрнаступление, став Верховным главнокомандующим. Силы германцев были на исходе, и, несмотря на успехи на фронтах, 20 июля рейхстаг принял резолюцию, в которой заявил, что стремится «к миру, соглашению и к прочному примирению народов». Это было завуалированное предложение мира, но условия Германии были совершенно неприемлемы для Антанты, поэтому договориться не удалось. Боевые действия возобновились. Я убыл в Якутск.

Смута в русских войсках, революционные настроения солдат, большие потери и усталость от войны создали полнейший беспорядок в армии. Результатом этого стал захват немцами Риги и разгром Юго-Западного фронта под Тарнополем в июле 1917 года. Под ударами свежих немецких дивизий и австрийского корпуса генерала Арнольда фон Винклера русские войска без боя вновь оставили Галицию и Буковину.

Генерал Корнилов перекладывал докладные записки командующих армий, слушая доклад генерала Май-Маевского.

– Господин главковерх, разложенные агитаторами и нежелающие воевать, войска побежали. Дисциплина на Юго-Западном фронте утеряна. Отступающие через Тарнополь солдаты 8-й армии мародёрствуют, сметая всё из лавок, магазинов и домов. Пьяные, обезумевшие от безнаказанности вояки, мечутся по улицам в поисках добычи. Благодаря героизму моего гвардейского корпуса нам удалось задержать ударную группу немцев под Тарнополем, но Виклер стал обходить меня с флангов.

– Ужасно, всё ужасно. Доигрались в революцию. Чтобы не попасть в окружение приказываю всем армиям фронта отходить к довоенной границе с Австро-Венгрией. Второе –

ужесточить дисциплину. В наших тылах создать спецотряды, которые будут расстреливать на месте дезертиров, мародёров и насильников. Трупы оставлять там же с надписью: «Изменники Родины».

Несмотря на эти меры, солдаты бунтовали целыми полками, нередко были случаи расстрела офицеров. В столице на фоне политического кризиса в России и падения авторитета Временного правительства произошло вооружённое выступление большевиков в Петрограде. С трудом подавив его, Временное правительство обнародовало доказательства связи большевиков с Германией, объявив их вне закона.

В этих условиях главком русской армии Лавр Корнилов собрал в своей ставке командующих фронтов и армий.

– Господа, Россия гибнет. Я принял решение потребовать отставки правительства и предоставления мне чрезвычайных полномочий. Ознакомьтесь с моей программой «спасения Родины». В её основе заложены милитаризация страны, ликвидация революционно-демократических организаций, введение смертной казни без суда и следствия и так далее.

Командующие четырьмя фронтами объявили о своей солидарности с Верховным главнокомандующим. Корнилова поддержали Союз офицеров, а также генерал Каледин и донское казачество. На словах Керенский поддержал Корнилова, но начал затягивать процесс. Корнилов не стал дожидаться, когда Керенский родит что-либо внятное, отправив генерала Крымова с «Туземной дивизией» в Петроград.

В Зимнем дворце шло совещание по данному вопросу Временного правительства уже третьего состава. Итог дебатам подвёл председатель Временного правительства Керенский.

– Господа, генерал Корнилов посягнул на святое, на легитимную власть в стране. Предлагаю издать указ об отчислении от должностей и предании суду «за мятеж» генерала Корнилова и его сподвижников.

– Давайте так и сделаем. Мы поддерживаем вас, господин Керенский.

– Есть одна проблема, господа министры, у нас нет армии. В этих условиях мы вынуждены прибегнуть к услугам большевистских агитаторов для контакта с восставшими частями и раздать оружие петроградским рабочим.

В результате действий Крымова, поверившего обещаниям Керенского, и начавшейся в его частях агитации большевиков, попытка Корнилова взять власть закончилась ничем, разве что его самого, а также генералов Деникина, Маркова, Эрдели, Крымова и других посадили под арест. В Питере большевики стали вооружаться совершенно легально, создавая отряды Красной гвардии.

В эти эпохальные события в Якутске я собрал своих товарищей на совещание.

– Друзья, в силу обстоятельств я должен быть рядом с Лениным. Объясню свою позицию. Я считаю своим долгом помочь будущей молодой республике под названием Союз советских социалистических республик. Буду я не один, а с нашим полком, дабы силой оружия давить всех своих личных врагов и врагов государства. Так что в августе 1917 года я заберу две тысячи бойцов в Петроград. Хочу сказать, что скоро Россия станет двуполярным государством: большевики станут красными, а все остальные – белыми. Нам нужно к кому-то примкнуть. Согласно истории победят большевики, значит, мы примкнём к большевикам. Кроме великих идей всемирной революции, которой никогда не будет, потому что это утопия, мною движут простые меркантильные порывы.

– Какие, Сэм?

– Мне нужно царское золото и иные богатства, которые пойдут на развитие нашего концерна "Зенит-Русь. Поэтому в октябре 1917 года наше наместничество преобразуется в независимую социал-буржуазную Северо-Восточную республику. Президентом предлагаю избрать графа Евгения Володарина. Являясь моим заместителем, он десять лет руководит Чукоткой и Приморским краем. В силу обстоятельств я быть президентом не могу. Мой удел – идейный

бандит «с большой дороги». А если серьёзно, то я не могу спокойно смотреть, как союзники – иностранные державы, будут раздёргивать нашу страну. Поэтому я приложу все силы, чтобы лишить их самого главного в любой войне – финансовой прибыли! завещаю вам, друзья. В СВР ни с красными, ни с белыми не церемониться, все отряды иностранных захватчиков и прочих революционеров пускать в расход. Не факт, но есть вероятность, что в результате моих действий, произойдёт конфликт с Японией. Мой приказ – топить всё, что придёт в наши порты, сразу показав свою силу. Если сможете реквизируют миноносец или крейсер, буду только рад прибавлению в нашем флоте. Всё это вы сами понимаете, поэтому говорю лишь для серьёзности момента, мол, какой умный у вас командир! Однако по возможности, со всеми противоборствующими силами соблюдайте нейтралитет.

– Сэм, ну какой из меня президент!

– Джек, то есть, господин будущий президент, не компостируй мне мозг.

– А кого министрами назначить хочешь?

– Должности в правительстве распределите сами, ещё я всякой ерундой не занимался.

Мы здесь не навсегда, а насколько сможем удержаться.

Глава 3. Великая Октябрьская революция

На фронте дела русской армии шли из рук вон плохо. Целые полки оставляли фронт, разбегаясь по домам. На других участках солдаты братались с немцами, отказываясь воевать. Эрнст Тельман и германские коммунисты тоже работали, готовя германскую коммунистическую революцию. Зато в Англии и США правители довольно потирали руки, наблюдая, как разваливаются Россия и Германия.

Реализуя принятую программу действий, в конце сентября с Сержем и Рыбаком я тайно прибыл в Петроград, чтобы участвовать в решительном сражении по захвату власти. Мы присутствовали на заседании ЦК ВКПб. Решался вопрос о государственном перевороте. Неожиданно для меня единства по этому вопросу партийная верхушка не имела. Два влиятельных большевика Григорий Зиновьев и Лев Каменев выступали против силовых методов.

– Товарищи, посмотрите на ситуацию. В феврале 1917 года численность партии большевиков составляла всего 24 тысячи человек, и это в стране со 150-миллионным населением. Сейчас нас уже 240 тысяч, но этого крайне мало для революции. Тех же эсеров целых 10 миллионов. Мы категорически против силовых методов. Надо постепенно завоёвывать массы на свою сторону и отстаивать правоту своих идей в Учредительном собрании. Оно будет представлять интересы всего народа России.

Ленин смотрел на ситуацию более трезво, поэтому не хотел ждать созыва Учредительного собрания. Разгорелся спор между Лениным и Каменевым с Зиновьевым.

– Вы не понимаете, что на выборах большинство депутатских мандатов достанется другим партиям. Мы до конца века будем прозябать на задней скамье. Я категорически настаиваю на взятии власти до начала работы Учредительного собрания!

– В таком случае, товарищ Ленин, мы обратимся к московскому, петроградскому и финскому комитетам партии с развёрнутой аргументацией, почему нельзя идти на вооружённое восстание.

– В таком случае, товарищ Зиновьев и Каменев, мы поставим вопрос об исключении вас из ЦК партии.

Слушая перебранку, я понимал, что она затянется надолго. Требовалось что-то решить, чтобы, наконец, пойти спать. Я поднялся и сказал.

– Товарищи, ставим вопрос на голосование. Кто за то, чтобы совершить переворот?

– Революцию, товарищ Алексей.

– Революцию. А товарища Каменева и Зиновьева, чтобы они не разболтали о готовящейся революции, предлагаю поставить к стенке. Я готов выполнить приказ партии.

Григорий Зиновьев годы эмиграции провёл вместе с Лениным и Крупской. Более близкого человека у них не было. Они вместе вернулись в Россию в апреле 1917 года, вместе написали книгу «Против течения», вместе развивали дело большевиков. Насколько я знал, даже этот эпизод не испортит их личных отношений в будущем. До самой смерти Ленина Зиновьев будет входить в ближайшее окружение вождя, и пользоваться его полным расположением. Пока жив Ленин, он будет одним из самых влиятельных людей в стране. Ильич сделает его членом Политбюро и хозяином Петрограда. Затем, когда тот героически не справится, то переведёт в начальники Третьего Интернационала – пусть его разваливает. Хотя в те годы эта должность имела особое значение. Коммунисты России считались одной из секций Коминтерна, таким образом, формально Зиновьев окажется руководителем всего мирового коммунистического движения. Просто эта должность не имела под собой никаких реальных рычагов власти, напоминая собой ООН 21 века. Как пошутили в мультфильме «Симпсоны» ООН стала бесполезной организацией, в которой заседают, выносят постановления, но никаких принципиальных

решений принять не могут. Другое дело, что я не терпел этих демагогов и болтунов, так что с удовольствием бы шлёпнул обоих.

Мужики реально испугались, и Ленин пошёл на попятную.

– Товарищ Алексей, это уже слишком. Я думаю, что пока ограничимся выводом обоих из состава ЦК. Ставим на голосование.

Неожиданно для всех против этого высказался Сталин! В протокол занесли его слова: «Исключение – не рецепт, нужно сохранить единство партии. Предлагаю обязать этих двух товарищей подчиниться, но оставить в ЦК». Он вступился за людей, которых потом методично, с чувством глубокого удовлетворения, уничтожит. Как говорится, палачами не рождаются, ими становятся, когда создаются условия для беззакония. Вопрос сняли с голосования, а проголосовали за захват власти. Сразу после этого был избран Революционно-военный совет по организации восстания, в котором оказались я, Серж и Рыбак.

В середине октября мы вновь были на заседании Петроградского реввоенсовета, где решался вопрос о дате штурма Зимнего дворца. Вещал Троцкий, патетически вздымая к небу руки, и пристально смотря после своих слов на окружающих, словно гипнотизируя.

– Наши товарищи ведут агитацию среди отрядов, защищающих Временное правительство, заседавшее в Зимнем дворце. Я верю в силу убеждения и в то, что нам не окажут сопротивления.

Народ сидел и думал. Сталин высказался, что на это нельзя полностью рассчитывать, поэтому нужно собрать большой численный перевес. Его поддержал Рыков и ряд товарищей. Высказался и я.

– Ильич, товарищи, стоит ли гадать, дадут нам бой или нет защитники дворца.

– Что вы предлагаете, товарищ Семёнов?

– Я согласен с товарищем Троцким, что часть солдат услышит наших агитаторов. Но там есть помешанный на чести батальон молодых юнкеров и женский батальон смерти – надо же так оптимистично себя назвать. Они будут стоять до конца.

– А что, очень даже убедительно звучит – "батальон смерти".

– Вот именно, товарищ Каменев, что смерти. Первый бой на германском фронте практически полностью уничтожил первый состав женского батальона, который разбежался при арт-обстреле. Оставшихся в живых девчат сняли с фронта, вернув назад в Питер. Здесь они тоже умудряются гибнуть пачками в стычках с анархистами. Сейчас у них, кажется, третий набор служит. Так вот, девицы и юнкера помешаны на чести, так что будут стрелять. Грех терять своих людей, бросая их на пулемёты. В связи с этим я предлагаю изобразить из моих людей боевую часть, возвратившуюся с фронта. К концу октября я перебросаю сюда две тысячи штыков под командованием генерал-майора Медунова. В нужный момент мы блокируем все подходы к Зимнему, войдём в него, и разоружим эти формирования. Затем дадим отмашку, а вы спокойно поведёте людей на штурм.

– Товарищ Семенов, вы можете гарантировать отсутствие выстрелов?

– А что, товарищ Троцкий, вы решили лично в первых рядах возглавить штурм Зимнего?

– Хм, ну...

– Нет, товарищ Троцкий, гарантировать полное отсутствие выстрелов я не могу. Я говорю лишь о том, что не будет организованного сопротивления защитников дворца. Ваши люди ворвутся в здание и арестуют Временное правительство.

– Принимается предложение товарища Семенова.

Затем были ещё совещания, решающие из которых состоялось 23 октября. Главными его организаторами были Ленин, Троцкий, Свердлов, Антонов-Овсеенко, Дыбенко, Сталин, Рыков, Крыленко. Непосредственное руководство захватом власти осуществлял Реввоенком Петроградского Совета, в который также входили левые эсеры и мы, бывшие жандармы. Ленин резюмировал итоги совета.

– Товарищи, сегодня 23 октября, начало революции назначаем на вечер 25 октября. Я ушёл обрадовать своих парней об их участии в этом эпохальном событии.

– Ты ему доверяешь, Ильич?

– Ему доверяю, товарищ Рыков. Если Семенов сказал, то сделает, иначе, он нас давно бы уничтожил. Я с ним, пока работал на Финском заливе, второй раз познакомился.

– Все равно, товарищ Ленин, надо подготовить революционные части.

– Согласен, Лев. Вот и займись этим лично!

В городе витало ощущение чего-то решающего. Везде шли революционные разговоры, митинговали толпы рабочих, студентов, солдат и матросов, постоянно заседали всевозможные ревкомы, стачкомы, домкомы, губернккомы и прочие «комы». Министры Временного правительства всё это видели, но сил что-либо изменить у них не было. Страна всё реальнее сваливалась в пропасть неуправляемого хаоса, разрухи и бандитизма. В перерывах между разговорами о спасении России, министры смотрели в окна дворца на улицу.

– Что мы наделали, пропала Россия!

– Господин Прокопович, перестаньте ныть. Все в руках Божьих, мы победим врагов страны.

– Господин Керенский, вы сами верите в эту чушь? Я экономист и профессор, я всё вижу, но ничего не могу сделать. Я предупреждал вас не шутить с Доном. Зачем было ссориться с атаманом Калединым. Казаки – наш оплот, теперь вовсе не стремятся идти на защиту Зимнего. Вчера покинул свой пост и ушли в казармы первый самокатный батальон, а это четыреста солдат. Идёт нехорошее брожение в артиллерийском и пулемётном полку. Не представляю, чем всё это закончится. Люди на улицах говорят о перевороте.

– У нас есть женский батальон смерти и юнкера. Хватит в этом году революций.

– Бабы и мальчишки! Кого они защитят?

Как ни странно основным двигателем подготовки восстания стал Троцкий, а его главными помощникам оказались революционеры Подвойский и Овсенко. Лев лично разагитировал гарнизон Петропавловской крепости уйти в казармы. 24 октября в казармы вернулись пулемётный полк и артиллеристы с орудиями, разагитированные большевиком Морозовым с товарищами.

О вот дела со сбором красногвардейских отрядов для штурма шли не очень хорошо. На том же Путиловском заводе числилось 1500 верных красноармейцев, на деле же вечером 25 числа к Зимнему подошло всего лишь 80 человек, а 15 000 бойцов по Петрограду оказались только на бумаге. Так что собрать подавляющее количество революционеров, желающих идти на пулемёты, не получилось. Перед началом операции я ещё раз уточнил у Ленина один вопрос.

– Слушай, Ильич, может, мы сами арестуем всю эту временную министерию, и дело с концом?

– Нет, Алексей, это важный идеологический момент. Представь себе, что пролетарскую революцию сделали бывшие жандармы – душители свобод.

Народ ревкома от души рассмеялся – смеялись Антонов-Овсенко и Троцкий, улыбался Свердлов и Сталин, посмеивались Рыков и Дзержинский.

– Хорошо, товарищи, сегодня приступаем. Здесь остаётся боевая группа отряда с радиостом, командир группы ротмистр «Сова». Он будет держать с нами связь, когда мы окажемся во дворце. В нужный момент мы свяжемся с ним по рации, и вы можете начинать атаку.

– Приступайте, товарищ Алексей! Сигналом начала штурма станет выстрел крейсера "Аврора".

По Невскому проспекту в сторону Зимнего дворца двигалась колонна солдат пехотного полка, впереди катили фургоны, запряжённые лошадьми и пяток грузовых машин с пушками. На шинелях бойцов были награды, среди которых виднелись как солдатские Георгиевские кресты, так и офицерские ордена.

Охрана из отряда инвалидов – Георгиевских кавалеров, дежуривших перед Зимним, встретила колонну у шлагбаума при въезде на Дворцовую площадь.

– Кто такие?

– 112-й отдельный ростовский пехотный полк. Выполняем приказ генерала Брусилова по передислокации войск. Движемся с Юго-Западного фронта к Зимнему дворцу для несения караульной службы, командир полка полковник Алекс фон Браун.

– Ваши документы, господин полковник. Прошу прощения, положено так.

– Все верно. За что крест получил, унтер?

– Под Лодзью воевал, вашбродь ранен был, теперь тут служу.

– Служи, друг, и дальше.

Я подал приказ Брусилова на выдуманный 112-й полк и мои военные документы на имя полковника Алекса фон Брауна, сделанные в Якутской типографии.

– Я доложу.

Унтер поднял трубку телефона и доложил ситуацию начальству, затем поднял шлагбаум.

Две роты бойцов приостановились, а остальные двинулись к набережной Невы, перекрывая входы во дворец со стороны реки. Я и Серж были заgrimированы, чтобы нас раньше времени никто не узнал. Медунов поднялся по парадной лестнице дворца, дабы представиться министру Кишкину, назначенному ответственным за защиту дворца. В это время «Осы» занимали первый этаж Зимнего, ненавязчиво блокируя посты охраны с юнкерами и девицами. В холл второго этажа из своего кабинета вышел Керенский, которому доложил Кишкин.

– Господин премьер-министр, с Юго-Западного фронта прибыл полк для охраны Зимнего дворца.

– Замечательно, настоящий боевой полк! Господин полковник, как у вас с дисциплиной?

– Агитаторов выгоняем, все верны присяге государству Российскому. В настоящее время предлагаю заменить части, несущие охрану дворца, моими людьми. Пусть ваши солдаты отдохнут, а мы с начальником охраны, господином Кишкиным, составим новый график дежурств всех имеющихся во дворце частей.

Из доклада министра нам стало известно, что Зимний дворец охраняло 147 девиц, пара сотен слушателей юнкерского училища, да человек сорок увечных ветеранов из сводного отряда "Инвалиды – Георгиевские кавалеры".

В это время вокруг Дворцовой площади на улицах кучковались рабочие-красногвардейцы. Народ переговаривался.

– Плохая идея брать сегодня Зимний.

– Точно, целый полк фронтовиков прибыл. У них пулемёты и несколько пушек, нас просто перебьют. Нужно отменить штурм.

– Я пойду к товарищу Антонову и всё выясню.

В штабе ревкома тоже наблюдался ажиотаж.

– Товарищ Сова, как там дела?

– Пока тишина, товарищ Троцкий, люди работают.

Я с бойцами шёл по коридорам первого этажа, когда наткнулся на пост охраны. Ребята, увидев такое дело, рассмеялись.

– Бабы с пулемётом, забавно!

– Мы не бабы, а бойцы Петербургского женского батальона смерти.

– Представьтесь, барышни.

– Старший унтер-офицер командир пулемётного расчёта Светлана Матлашева, второй номер – унтер-офицер Александра Осипян. Командир батальона лейтенант Бочкарева находится в том кабинете.

– Командир пехотного полка полковник фон Браун. Молодцы, девушки, настоящие защитницы империи. Пойду, пообщаюсь с вашим командиром. Вишун, веди себя с этими барышнями очень деликатно.

– Понял, хотя ничего не понял.

Оставив Вишунова караулить «часовых», я с двумя бойцами направился в рабочий кабинет поручика Марии Леонтьевны Бочкаревой. В приёмной меня встретила девушка в чине корнета.

– Господин полковник, адъютант Скрыдлова. Вы к кому?

– К командиру батальона. Простите, корнет, вы не родственница адмиралу Скрыдлову?

– Дочь. Осуждаете?

– Весьма похвально, что такая элегантная леди оказалась не изнеженной барышней, а патриоткой. Так могу я увидеть поручика Бочкареву?

– Прошу сюда. У неё сейчас командир дежурного отделения Анна Уланова.

Я зашёл во внутренний кабинет, увидев повзрослевшую Аню и плотную женщину лет тридцати с лицом идола, вырубленного из дуба. На груди у женщины было два Георгиевских креста.

– Госпожа поручик, приятно удивлён вашему чувству долга. Все разбежались, а вы держите оборону. В городе очень беспокойно, по пути сюда видел несколько отрядов революционных рабочих. Наш полк прибыл по приказу генерала Брусилова для защиты правительства.

– Я также, господин полковник, имела честь быть принятой генералом.

– Отменно. А сейчас мы сменим вас. Прошу сдать посты моим людям и отправляйтесь домой на отдых.

– Слава Богу, пришла помощь. Я дожусь приказа министра, и мы сменимся.

Медунов, а по фальшивым документам полковник Шмелев, получил у начальника охраны соответствующий приказ. Вниз спустился сам Кишкин и захопотал: "Барышни, прошу сегодня отдыхать. Отправляйтесь по домам, но завтра прошу быть на службе".

В результате девицы, отряд инвалидов и горячие юнкера сдавали посты нашим парням. Бойцы по-хозяйски занимали позиции у пулемётных гнёзд, дверей, окон первого и второго этажей, контролируя выходы на Дворцовую площадь. Кавалеры в полном составе, девицы и молодые парни в юнкерской форме выходили на улицу, расходясь по домам. Однако дворец покинули не все. Треть девиц во главе с «командоршей» и столько же юнкеров осталось в здании. Скорее всего, им просто некуда было идти, они жили на первом этаже в комнатах для прислуги. Серж спросил у меня: «Что будем делать с такими жильцами?»

– Арестуем, а завтра отпустим домой. Серёга, перекрой выход, чтобы никто из министров не уехал. Пусть ещё эти трудоголики позаседают.

Бойцы полка планомерно занимали комнаты первого этаж, где располагались девицы, которыми занялся Серж. Я же со взводом "ос" отправился в подвалы и дальние концы дворца, чтобы проконтролировать воинствующих юнкеров. Серж политесов не разводил.

– Товарищ Бочкарева, товарищи Скрыдлова, Матлашева, Уланова и Осипян, вы арестованы. Прошу сдать оружие, иначе..."

– Но как же так?!

– Вы могли сегодня погибнуть. Скоро начнётся штурм дворца. Князь Семенов решил сохранить ваши жизни. Рожайте детей, ухаживайте за ранеными, а войну оставьте мужчинам. Девочки, по-хорошему прошу, сдайте оружие.

– Вы предатель, господин Шмелев!

– Кого я предал? Этих самодовольных болтунов, которые довели страну до ручки. Посмотрите, во что превратилась великая держава! Разве они способны на что-нибудь, кроме болтовни и дележа денег? Света, Саша, Аня! Вы что, меня и Леху Семенова не узнали? Лучше расскажите, как вы тут оказались?

– Мы защищаем нашу страну, даже на фронте были. Серёжа, мы тебя не узнали. Ты сильно изменился, только голос почти прежним остался. А ты нас сразу узнал?

– Я и Леха вас сразу признали, только нельзя было раньше времени говорить. Мы загрированы, чтобы нас враги не раскусили. Успокойте свою командиршу и девчонок. Время, когда надо защищать страну не прошло, а только начинается.

Дамы сдали оружие и сидели в кабинете Бочкарёвой. Я же с бойцами и оружием напелес вошёл в помещение, где активно дискутировали будущие офицеры. Немного послушав речи юных трибунов, спорящих о положении в стране, избрал наиболее подходящую тактику общения.

– Господа, и охота вам почём зря языком чесать? Всё, что вы говорите – обычная болтовня, очень похожая на ту, которая происходит на заседаниях Временного правительства. Они не управляют страной, а ищут, где можно урвать себе кусок богатства. А вы их защищаете.

– Они заботятся о нас, хотят вывести страну из кризиса.

– Господа будущие юнкера, это вы беспокоитесь о судьбе страны. Скажите мне, где все министры первых двух созывов Временного правительства?

– За границей...

– Точно. Вывели в иностранные банки свои капиталы, и живут припеваючи в Париже, да Лондоне, и ещё советы оттуда умные дают, как управлять революционными массами. Я воевал на фронте в японскую и с первых дней нынешней. Многие боевые офицеры терпеть не могут всех тех, кто сидит в столице. Скажите мне, кто из вас был на фронте и видел, в каких условиях воюют наши солдаты, как их обеспечивает Временное правительство? Никто? Так как вы можете говорить об их заботе. В ноябре юнкерские училища будут закрыты, поэтому рекомендую завтра же собраться и отправиться на Северный фронт. Там вы все лично увидите, даже повоюете под командованием офицеров. Вот тогда сделаете выводы. А сейчас прошу разойтись по домам.

– Мы не желаем! Мы решили защищать наше правительство.

– Тогда, господа курсанты, вы арестованы. Если хотите остаться в живых, прошу соблюдать спокойствие. Сейчас в здание ворвутся рабочие и арестуют это правительство. К власти придут новые хозяева страны. Вы примите присягу и будете защищать уже их.

– Вы предатель, господин полковник, я вызываю вас на дуэль. Мы давали присягу этому правительству.

– А я давал царю, так что это правительство мне даром не нужно, сам бы всех расстрелял. Присягу Родине дают один раз. Правители меняются, в одних странах реже, в других почти каждый год. Так что, если всем давать, то и невинности не останется, по рукам пойти можно. Я понятно довёл свою мысль? В окопах посиди под бомбами, в атаку на пулемёты поднимись, а потом на дуэль будешь вызывать, щенок.

– Вы трус!

Я врезал ему в челюсть в лучших традициях Майка Тайсона, свалив парня в глубокий нокаут. Раздался шёпот.

– Кулаком убил, сатрап.

– Вот так и заканчивают дуэлянты. Оружие сдать, разойтись по домам, иначе сейчас вас всех к стенке поставлю.

– Мы сдаёмся.

– Давно бы так. У вас вся жизнь впереди. Эту страну поднимать вам придётся, поэтому нужно выжить.

Радист отряда вышел на связь, Сова поймал сигнал и доложил Ленину о готовности гарнизона к встрече. Бахнул выстрел "Авроры". Бывшие жандармы, оставшиеся в заслоне на Дворцовой площади, подняли винтовки и автоматы вверх, для антуражу стреляя в воздух. Красные рабочие во главе с Антоновым-Овсеенко начали штурм Зимнего. Ворвавшись во дво-

рец, они арестовали Временное правительство. В чем нельзя было отказать Керенскому, так это в том, что он пятой точкой чувствовал, когда нужно бежать. Сразу же после прихода нашего полка, Керенский и его адъютант уехали из Зимнего на машине американского посла.

Отправившись искать Сержа, я увидел девчонок, стоящих за его спиной.

– А-а-а, прекрасные амазонки "з ружжом". Как вас угораздило записаться в женский батальон?

– Мы – патриотки!

– Ладно, девушки, пойдёмте, погуляем по Зимнему, а то когда ещё это удастся сделать.

Вскоре во дворце появились Ленин и его соратники. Всех находящихся во дворце людей красногвардейцы собирали в холле. Мы же пошли гулять по залам и галереям второго и третьего этажей, беседуя о жизни.

– Всё, девчонки, власть сменилась окончательно лет на семьдесят. Предлагаю вам бежать с семьями в Якутию.

– Нет, мы тут останемся.

– Тогда вступите в партию большевиков и работайте с новой властью.

– А ты, Серж? Мы Хотя видели.

– Есть и он тут. А ещё Алёна, Баха и Кэн также участвуют в штурме, только находятся в отряде обеспечения. Многие из нашей компании сейчас здесь, многие работают в других очень важных местах. Предлагаю и вам больше не теряться. А теперь, Лена, Саша и Аня, запомните. Вы сотрудницы моего отряда. По моему указанию и зову сердца вступили в женский батальон. Не надо скрывать, что мы друзья юности. Света, ты у нас кто?

– Я занималась управленческой деятельностью в коммерческой фирме, которая в прошлом году закрылась.

– А я работала бухгалтером в ней же. А Аня в городской службе быта.

– Хорошо, девочки. Сейчас большевики начнут набирать людей в органы власти новой страны. Предлагаю вам, Света и Аня, пойти в министерство торговли, а тебе Саша, в казначейство. Там будете сыты и в тепле, а не в окопах сидеть.

– А мы были в окопах! Месяц провели на германском фронте. Правда...

– После первого боя отряд практически весь погиб – глаза закрыли и побежали от артиллерийского обстрела.

– Да, примерно так и было. Но не все побежали.

– Вижу, ибо тех, кто побежал, нет уже в живых – скосили германские пулемёты и осколки снарядов.

Через месяц девушки были устроены мной на должности начальников отделов в новые советские госучреждения. Все получили чёткие инструкции, о каких вещах меня нужно информировать. Рано утром я также пообщался с арестованными министрами Временного правительства под своим истинным обликом.

Историческая ночь закончилась. Кто-то называл свержение Временного правительства октябрьским переворотом, я же считал, что свершилась Великая Октябрьская социалистическая революция, потому что полностью изменился социальный строй государства. Правда, произошло это не сразу. На следующий день я читал статью в "Петербургских ведомостях" под громким названием "Конец Керенского". Пробежав глазами текст, взгляд зацепился за ещё один перл журналиста: "Керенский, переодевшись в женщину, пытался скрыться из Зимнего дворца. Это ему не удалось сделать. Он был узан рабочими. Тогда он закрылся в помещении, спасаясь от гнева революционных масс. На предложение сдать добровольно, он ответил отказом, чем только оттянул свой конец". Журналист М. Сibaева.

Я от души посмеялся над явно «заказанным» опусом Мамаевны, когда в мой кабинет вошёл Серж.

– Развлекаешься?

– Серёг, прочти статью. Не режет глаз?

Серж пробежался по статье, почесал голову и ответил: "Вроде нормально написано. А в чем фишка?"

– Фишка в том, что мне стало интересно, успел он оттянуть себе конец или нет.

– Ха-ха-ха, я даже подумать не мог рассмотреть этот момент в таком эротическом ракурсе.

– Не испорчены ещё люди двусмысленностью.

А затем начались трудовые будни по установлению новой власти в огромной стране. Оказавшись в самом центре «партийной кухни», я был немного ошарашен имеющимися в ней порядками. Начиная с момента своего основания, большевизм был практически непрерывно погружен во внутреннюю фракционную борьбу. Вплоть до осени 1918 года власть Ленина в партии отнюдь не была абсолютной. Практически по любому принципиальному вопросу ему приходилось выдерживать тяжёлую борьбу с различными оппозициями; в некоторых случаях решения принимались вразрез ясно выраженной воле Ленина, простым большинством голосов. Особенно тяжёлым стал вопрос о мире в 1918 году – Ленину удалось добиться принятия мира только под угрозой отставки.

Вместе с тем, Ленин никогда не применял репрессий против своих вчерашних оппонентов. При всей своей жестокости к настоящим или потенциальным противникам большевизма, в кругу своих соратников Ленин предпочитал действовать убеждением. Примером тому служит спор о восстании в октябре 1917 года, когда взбешённый Ленин требовал исключения из партии Зиновьева и Каменева. Однако уже через несколько месяцев он назначил Зиновьева председателем Петросовета, а через год – главой Коминтерна. Вместе с тем, одним из основных преимуществ большевиков в политической борьбе периода революции и Гражданской войны была внутренняя сплочённость, жёсткая централизованная организация во главе с харизматичным лидером. Эсеровская партия к концу 1917 года развалилась на части, разделившись на правых и левых социал-революционеров, которые в следующем году расколются на ещё более мелкие осколки. Меньшевики вообще разделились на враждующие фракции ещё до революции. Большевикам, несмотря на все свои разногласия, удалось сохранить единство.

Победа была одержана, но теперь требовалось удержать власть в столице и захватить её в стране. Ленин в кабинете, где час назад заседало Временное правительство, держал речь.

– Товарищи, мы победили. Большевики взяли власть крепко и навсегда! Но расслабляться рано. Сегодня же мы должны провести Всероссийский съезд с участием всех ведущих партий Петрограда. Уже три утра! Товарищи, прощу за работу!

Бессонная ночь и новый рабочий день здорово вымотали народ. Несмотря на усталость, лидеры ВКПб днём встретились с руководителями других партий для организации съезда. В 22:40 25 октября в Смольном открылся Второй Всероссийский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов. Произшедший недавно раскол в партии эсеров на левых и правых привёл к тому, что большевики вместе с левыми эсерами получили большую часть голосов. Лидеры правых социалистов Гоц и Чернов вместе со своими однопартийцами и меньшевиками покинули съезд в знак протеста против совершённого переворота. Однако своим уходом нарушить кворум они не смогли.

Съезд воззванием «Рабочим, солдатам и крестьянам!» провозгласил переход власти к Советам рабочих депутатов в центре и на местах. В тот же день делегатами съезда был избран высший орган Советской власти – Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет (ВЦИК), председателем которого стал Каменев, и сформировано правительство – Совет народных комиссаров (СНК) во главе с Лениным. С образованием ВЦИК и СНК началось строительство высших органов государственной власти Советской России.

Народ заседал всю ночь, а с обеда следующего дня продолжили. На второй день Съезда были приняты исторические документы: «Декрет о мире», где всем воюющим странам пред-

лагалось заключить мир без аннексий и контрибуций, «Декрет об отмене смертной казни», «Декрет о печати» и «Декрет о земле», по которому все земли, недра, леса и воды национализировались.

Сразу же образовалась оппозиция во главе с Каменевым, Зиновьевым, Рыковым и Ногиным. Из-за споров по всем вопросам уже 8 ноября Ленин вновь поставил вопрос об исключении из партии большевиков Зиновьева и Каменева. Задолбавшего всех своей болтовней Каменева сняли, назначив председателем ВЦИК Якова Свердлова. В этом качестве, Свердлов возглавил тяжёлую работу по созданию органов советской власти «в центре и на местах». По его инициативе для решения безотлагательных вопросов была создана четвёрка лидеров, в которую вошёл он, Ленин, Троцкий и Сталин. К 1918 году Свердлов де-факто стал вторым человеком в государстве после Ленина, сосредоточив в своих руках колоссальную власть.

Несмотря на то, что Петроград стал «колыбелью революции», именно здесь была высока возможность начала контрреволюционного движения. Кроме бумажной работы приходилось реально воевать, ведь анархию, контрреволюцию и наступление германцев никто не отменял.

Утром 25 октября Керенский тайно отправился в пригороды Петрограда в поисках возвращающихся с фронта верных ему правительству частей. В Гатчине он встретился с казачьим атаманом Красновым.

– Господин генерал! Вы обязаны повести своих казаков и подавить бунт! В стране должна быть одна, легитимная власть и её председатель – я!

– Хорошо, я двину свой полк в Петроград.

– Как глава государства, Пётр Николаевич, я назначаю вас главнокомандующим российской армией.

Керенский и Краснов с семьями казаками предприняли поход на Петроград.

В ночь с 25 на 26 октября правые социалисты под идейным руководством Гоца, Савинкова и Чернова создали «Комитет спасения Родины и революции», поддержав саботаж чиновников и предпринятую Керенским попытку свергнуть большевистское правительство. В тот же день Савинков призвал своих единомышленников в Москве к вооружённому сопротивлению, организовав вооружённое восстание юнкеров.

В Смольном от этих событий наблюдалась лёгкая паника.

– Товарищи, враг у ворот Петрограда. Что делать?

– Товарищ Троцкий, надо подавить мятежников и всего делов-то!

– Вам легко говорить, товарищ Сталин, но нужно рассуждать не абстрактно, а реально. Кем мы будем подавлять?

– Есть отряд Семенова, есть балтийцы Дыбенко, есть латышский полк Вацетиса.

– Хорошо, товарищ Крыленко. Организуйте работу и разгромите эти очаги сопротивления.

Восстание юнкеров в тот же день было подавлено латышскими стрелками Вацетиса. Мои парни по какой-то причине сразу невзлюбили охранявших Ленина латышских стрелков, как и самого Вацетиса, поэтому только дежурили на улицах. Вообще Иохим Вацетис был высокомерным толстяком, считавших русских людей лентяями, бездарями и просто быдлом. Но он служил верой и правдой Ленину как человеку, возвысившему его на небывалую высоту, за что Ленин продвигал его по карьерной лестнице.

Начальником обороны Петрограда Свердлов и Ленин назначили боевого прапорщика из эсеров Михаила Муравьева. После ряда боёв казаки Краснова в Гатчине заключили перемирие с красногвардейцами Крыленко. Полным ходом шла агитация казаков о выдаче Керенского. Краснов наблюдал за этими разговорами, не пресекая их. Беседуя с бывшим председателем Правительства, он заметил: «Господин Керенский, а ведь выдадут вас казаки».

– Совсем прогнила Россия. Значит пора «делать ноги».

– Ты же её и развалил, господин председатель правительства.

– Ерунда, теперь всё на меня можно валить.

Керенский, переодевшись в костюм матроса, вновь смог вовремя сбежать из Гатчинского дворца.

Только большевики свободно вздохнули, победив Краснова, началась новая напасть. Большая часть государственных служащих не признала революцию, ответив на неё пассивным сопротивлением. Только в Петрограде около 50 тысяч служащих государственных и коммерческих структур прекратили выполнять свои обязанности. Нехватку служащих власти компенсировали переводом в советские учреждения рабочих крупных питерских предприятий. Среди рабочих сразу стал муссироваться лозунг Ленина о том, что пришло время новых людей, когда «Любая кухарка способна управлять государством». На очередном заседании я поинтересовался у Ильича, когда он такое сказал.

– Алексей, ты же серьёзный человек и понимаешь, что такого я не мог сказать! Я написал так: «Мы не утописты. Мы знаем, что любой чернорабочий и любая кухарка не способны сейчас же вступить в управление государством... Мы требуем, чтобы обучение делу государственного управления велось сознательными рабочими и солдатами, и чтобы начато оно было немедленно».

– Согласен, Ильич, нужно растить новые кадры управленцев. Только рабочие не способны этому научить, пусть и сознательные. Для этого есть профильные университеты, а преданные делу революции товарищи должны учить молодое поколение честности и новой идеологии.

– И я с тобой согласен, Алексей.

С первых дней революции в сознании большинства людей ничего не изменилось, они не стали сознательными большевиками. Так что город был полон дезертировавших с фронта солдат и офицеров, а также потерявших своё имущество, голодных и озлобленных, оттого очень опасных, гражданских беженцев. Самой криминогенной категорией оказались матросы из числа недавно мобилизованных. Так что в это время многие морячки встали на путь бандитизма и разбоя. Ко всему прочему, за развитием ситуации в Петрограде внимательно следили как официальные послы, консулы и корреспонденты СМИ, так и нелегальные информаторы зарубежных держав. Неразберихой в стране стремились воспользоваться все конкуренты бывшей Российской империи. Повсюду множились бунты и заговоры, а Петроград вообще стал идеальным местом для иностранных шпионов и внутренних провокаторов. После окончательного предоставления независимости Финляндии, одобренного ещё Временным правительством и подтверждённого Лениным, новая государственная граница прошла всего в 35 километрах от Петрограда.

В отличие от Москвы, расположенной в глубине континентальной России, Петроград оказался очень уязвим, так как был доступен с моря и располагался в непосредственной близости от новых противников – Прибалтики и Финляндии. В Москве тоже было достаточно криминала, но этот город не был ни прифронтовым, ни флотским, поэтому социальная база преступности, преимущественно крестьянско-купеческая, ремесленная и спекулятивная, была не такой боевой.

Слишком воинственного прапорщика Муравьева сняли, заменив вызванным из Луганска большевиком Климентом Ворошиловым, назначив его комиссаром Чрезвычайной комиссии по охране города при градоначальстве.

Учитывая опасную обстановку внутри страны, которую в своём докладе на совещании СНК отразил Дзержинский, им же был поднят вопрос о создании специального правоохранительного органа. Это предложение было принято, и со следующего дня началась работа по созданию чрезвычайной комиссии.

Я зашёл в столовку при Смольном, где обедали сотрудники и руководители аппарата ЦК. Взяв поднос с обедом, сел на свободное место за ближайшим столом, оказавшись в компании

нового городского начальства. Пожелав приятного аппетита коллективу, стал слушать продолжение рассказа одного из аппаратчиков.

– Давеча был на опере итальянца Верди в Мариинском театре. Преотвратительнейшее, скажу вам, действие. Называется "Рыголето".

"Как, как называется?" – переспросил я.

– Рыголето, вроде бы... Я точно не помню.

– И как тебе опера? Риголетто хорошо показал себя?

– Показал, но рыголето на сцене не делал, хотя меня от него тошнило. Скажу тебе, искусство надо понимать, а если не понимаешь, значит, это плохое искусство. Все эти оперы – чуждые рабочему человеку понятия. Эти буржуазные изыски только сбивают с толку настоящего борца революции. А опера, действительно, полное рыголето, даже название подходит.

– Клим, эта опера называется "Риголетто". Так звали шута, который осмеивал обиженных герцогом людей, угождая своему покровителю. А всё закончилось горем у самого шута, дочь которого обманул и опозорил этот самый герцог. Суть оперы – не рой другому яму, ибо сам можешь в неё попасть.

– Я, человек рабочий, университетов не заканчивал, моё образование – два класса земской школы.

Услышав это, про себя я подумал: "Ограниченный, но преданный. Эти качества помогут тебе сделать карьеру при Сталине. А ещё очень высокомерный «хозяин» новой жизни, – после чего продолжил разговор вслух, – образование нужно, тем более ты занимаешь серьёзные должности и общаешься с образованными людьми».

– Победителей не судят, пусть принимают таким, какой есть. Победим врагов, может быть, займусь своим образованием.

Глава 4. Строители новой жизни

7 декабря 1917 года по-старому стилю или 20 декабря по-новому, была создана Всероссийская чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией и саботажем при Совете народных комиссаров РСФСР. Она стала одним из институтов «диктатуры пролетариата» по реализации красного террора, проводившегося большевиками против классовых врагов в ходе Гражданской войны.

Главным разработчиком основных положений деятельности и структуры ВЧК стал Дзержинский, которому помогали несколько большевиков. С учётом нашего опыта службы в жандармерии, я с Сержем и Топом вошли в состав организационной комиссии и подавали свои предложения по большинству направлений работы чекиста.

Благодаря мне в этой реальности ВЧК сразу включало в себя отделы по направлениям, которые в реальной истории появились гораздо позже. Так в ЧК были созданы отделы борьбы с контрреволюцией, шпионажем, бандитизмом, саботажем и спекуляцией, политического следствия, охраны границ Советской России, технические отделы. Их руководителями стали опытные большевики: Михаил Кедров, Вячеслав Менжинский, Мартин Лацис, Николай Скрышник, Яков Давтян, Генрих Ягода, бундовец Григорий Мороз, боевик из польских социалистов Бялогродский и Яков Ганецкий.

А вот Ганецкий был очень интересной фигурой, владеющий многими тайнами партии. Его настоящая фамилия была Фюрстенберг. Он был авторитетным функционером, являясь партийным казначеем. Парвус назначил Якова и его брата, Генриха Фюрстенберга, директорами созданных им торговых фирм, через которые германская разведка финансировала большевиков. Он много знал о заграничных счетах, на которых хранились деньги партии.

Также в руководство ЧК вошли левые эсеры Брагинский, Попов, Закс, Александрович и вскоре ставший знаменитым 20-летний Яков Блюмкин, который преподнесёт советскому правительству отличный сюрприз. Сразу был создан отдел охраны государственных деятелей во главе с Абрамом Беленьким – личным телохранителем Ленина.

В это же время был организован отряд специального назначения при ВЧК. Наш полк сразу получил аббревиатуру «ОСНАЗ», став первым отрядом спецназа в молодой стране. Причём я настаивал на создании полноценной боевой части, какими мы были при жандармском корпусе. Поэтому отряд обрастал тачанками, пулемётами, артиллерией и мотопланерами. Вместе с Яковом Петерсом я был назначен заместителем Дзержинского. Медунов стал командиром революционного ОСНАЗа, а все его бойцы – чекистами, включив в повседневную экипировку кожаные авиационные куртки, взятых со складов Петрограда. В кожаных куртках не заводились вши, что в те годы было очень важно, ведь вши переносили тиф, который косил людей на фронте и в тылу.

Дзержинский гордился тем, что, в отличие от армии и других советских учреждений, в его службе практически полностью отсутствовали военспецы из прежнего царского сыска. В принципе так оно и было, хотя с ВЧК сотрудничали эксперты царской госбезопасности. Самое интересное, что консультантом Дзержинского был бывший шеф царских жандармов и начальник охраны генерал Джунковский. Также готовил новых следователей бывший жандармский полковник Шатковский, а специалисты по шифрам Зыбин и Кривош из царской полиции обучали этим премудростям молодых чекистов. Привлекались и другие профи царской полиции и охраны.

Хотя Дзержинский считался непрофессиональным контрразведчиком, но 11 лет ссылок многому его научили. Именно он ввёл внутрикамерную «разработку» заключённых. К ним подсаживались агенты, которые выведывали то, о чем на допросах арестованные не говорили. «Подсадными утками» пользуются и по сей день.

Организацию создавали для борьбы с армией чиновников, бойкотировавших новую власть, но вскоре в стране с ужасом заговорили о «людях в кожаном». В любом случае работать в ЧК и милицию шли мужественные люди. Это через 10 лет с корочкой ОГПУ ты будешь, как у Христа за пазухой, а сейчас чекистов стреляли за милую душу. Идущая война научила многих людей убивать, сняв все ограничения ценности человеческой жизни и заповеди «не убий». Приходят власти арестовывать врага, а вместо поднявшего руки бандита или шпиона, получают от них пули из обреза или нагана. Вот и нет чекиста или милиционера.

26 октября 1917 года, то есть на следующий день после штурма Зимнего дворца, Евгений Володарин объявил о создании независимой Северо-Восточной республики (СВР), став её первым президентом. Её признали Никарагуа и РОЭ. Володарин, Шевцов, Леонидова, Кашченко и Шевченко с командой помощников разработали и провели денежную реформу. Взяв за основу новый рубль СВР, напоминающий советский 1980-х годов, объединили денежные системы Никарагуа, РОА и СВР, приступив к выпуску собственных денежных знаков, обеспеченных золотом и алмазами. Также по указанию Джека, министр финансов СВР Наталья Яковлева увеличила денежную помощь Блондину в США, Извилину в Никарагуа и Шевцову в РОЭ. Промышленность и сельское хозяйство северного края чётко функционировало, не затронутое революционными веяниями. Пока в России ещё наблюдался какой-то порядок, Владимиров усиленно скупал у останавливающих свою работу предприятий машины и механизмы, а также зерно, крупы, сахар, домашний скот и птицу, в Средней Азии хлопок и фрукты. Народ на своей шкуре почувствовал разгул анархии 1917 года, поэтому перестал выделяться, и к октябрю мы успели перевезти в край практически весь людской научный потенциал, а также оборудование лабораторий и опытных производств НПО «Зенит Рус», включая «Зенит Здоровье».

Население края на момент революции составляло порядка миллиона человек. Тунеядство и бродяжничество преследовались по закону, так что все жители республики учились, работали или пенсионерили. Исключением являлись племена аборигенов, живущие в тайге или тундре по своему жизненному укладу. Раскольников-староверов власти также подтягивали к общественной жизни государства. Жёстко работали жандармы и милиция, выявляя воров и жуликов в руководстве фирм и госструктур. Обычно разговор с такими деятелями был коротким – полная конфискация имущества и расстрел на центральной площади города. Пример борьбы с коррупцией в Китае будущего мне нравился.

В стране была сформирована армия, включающая спецназ, казачьи части, пехотные, инженерные, моторизованные, артиллерийские, авиационные полки и морфлот. Перед Витимом у Якутского тракта и на берегах Лены были сооружены мощные укрепления, находился гарнизон, вход в акваторию морских портов охраняли капониры с 350-мм береговыми мортирами, стерегли торпедные катера и подводные лодки. Но самым главным аргументом нашей силы являлись плазменные пушки Теслы, способные уничтожить одним выстрелом морскую эскадру.

Получив команду, батальон под командованием майора Марса выдвинулся на захват Киренска. Отныне «золотая» территория бассейна реки Витим и подступы к СВР по Якутскому тракту, включая город Киренск, стали принадлежать республиканцам. Марс телеграммой проинформировал об этом правительство Иркутской губернии, которое повозмушалось и даже направило полк солдат. Полк оказался разагитированным и разоружённым, а его офицеры отправились на экскурсию в Витим для знакомства с укладом службы в армии местничества. Затем им сделали предложение перейти служить в эту армию, после чего многие офицеры и солдаты задумались о своём будущем. Через полгода, когда власть в стране стала красной, 80 процентов полка, прихватив родных, знакомых из других частей и всех желающих, перебрались в СВР.

Мои товарищи за рубежом приветствовали новую власть, потому что она свергла наших врагов. СВР, Никарагуа и Эмираты объявили о признании нового государства. Как это ни

странно звучало, но именно император Николай оказался единственным союзником, а большинство политиков царской России – врагами. В тоже время лично к Ленину и его компании парни также не испытывали никакого пиетета или любви, потому что ребята не жили в стране, созданной этими людьми. Они видели жизнь бедных и богатых людей в царской России и США, и знали, как живётся рядовым гражданам в СБР. Так что у них был образец гармоничного социалистического общества с правильной патриотической идеологией. Именно так их лидер, Лёха Семенов, социалист по убеждению и капиталист по образу жизни, позиционировал своё политическое кредо. Однако в наших беседах я чётко дал понять нашим американцам, что раз они живут в Америке, то должны вести себя как американцы, то есть прославлять демократию и критиковать коммунизм.

– Мужики, если жизнь гармонична для всех слоёв общества, если в ней действуют правильная мораль, то какая разница как называется строй. Главное, какой уровень жизни имеют люди, как они социально защищены. Ведь даже при коммунизме будут начальники, то есть люди, априори, более приближенные к счастью. Теперь об Америке. Есенин после посещения Нью-Йорка сказал: «США – страна лжецов, воров и бандитов всех мастей». Но вы работаете здесь, а значит, надо соответствовать её политическому курсу. Так что делайте всё, чтобы казаться своими среди чужих. Тогда ваша карьера пойдёт в гору, а значит, на тайном фронте разведчика вы сможете лучше помогать своей Родине.

– Ты думаешь, что Америка плоха?

– У них надо учиться тому, что несёт пользу. У всех стран есть свои фишки, которые полезно перенять и нам. И главной чертой этих стран является то, что их правители, жёстко эксплуатируя своё население, укрепляют государство. Если же посмотреть на Россию, то царскими властями делалось всё для развала империи. Они разрушали экономику государства, проводя идиотские реформы и участвуя в войнах в интересах европейцев, забывая о своих собственных. Наполеон, будучи капитаном, просился на службу в русскую армию – ему отказали. Обидевшись, он стал императором Франции. Объединись Александр Первый с Наполеоном, и они раздавили бы Англию, поделив мир по-новому. Вместо этого, победив Наполеона, русские за это дело получили шиш с перцем. Ведь европейцы искренне считают, что именно они победили Наполеона, разгромив его армию при Ватерлоо, забывая о том, что вся Европа несколько лет дышала по разрешению французского императора, которому именно русские в 1812 году сломали хребет. Так что я не желаю быть на подхвате у других.

И парни работали. Молодые политики и бизнесмены, создавая себе нужный имидж, давали интервью и выступали в ток-шоу наших медиа, рассказывая сказки о том, как они хотят быть полезными Америке. Успешная игра на бирже и принятая финансовая стратегия по покупке небольших фирм с последующим объединением, также давала свои плоды. За семь лет американской экспансии стали вырисовываться контуры финансово-промышленной империи «Гелиос», состоящей из предприятий добывающей, перерабатывающей и наукоёмкой промышленности. Мультимиллионер Таган контролировал её техническое развитие, при этом подминая под себя штат Нью-Джерси на политическом поприще. Вьюн занимался легальной и нелегальной торговлей, снабжая СБР и Никарагуа американской техникой, а Бинд, служа в военном министерстве, лоббировал наши интересы при распределении контрактов по оснащению американского флота. Прут, Адмирал Нельсон и Азур со своими командами специализировались на разведывательном и экспроприационном направлениях в интересах «Гелиоса».

Во всех наших оазисах и новой столице с названием Русград, заложенной между эмиратом Абу-Даби и Катар, шли плановые стройки, в армию и на работы активно привлекались местные юноши и девушки. Как только мы укрепились, потребовалось сменить военных на управленцев, поэтому в руководстве прошли переназначения. Я назначил первым эмиром РОЭ управленца Анатолия Шевцова, Черкас стал эмиром вооружённых сил, Жеребков – эмиром морских сил, а Вадим Недоваров – эмиром промышленно-экономического развития.

Никарагуа продолжало вести себя незаметно, «тихой сапой» строя мирную и военную инфраструктуру. Американцы по-прежнему чувствовали себя хозяевами в стране, чему мы не мешали.

В Китае дела также шли довольно успешно. Таран и Задорожная, получая деньги из Якутии, укрепились, став скупать предприятия добывающей промышленности, шёлковые фермы и фабрики, а также землю в районе месторождения Баян-Обо, очень богатую рудами черных и цветных металлов. Этот горнодобывающий район обнаружат в конце 1920-х, а станут разрабатывать лишь в 1950-е годы, так что пока земля здесь стоила дешевле глины в Шанхае. Так что дела в СВР и её сателлитах шли вполне успешно, чего нельзя было сказать о молодой стране Советов.

Курируемые эсерами забастовали железнодорожники. Проблема с подвозом продовольствия, послужившая прологом Февральской революции, грозила повториться вновь. На этом фоне усилия, которые предпринимал ограниченный в возможностях градоначальник Петрограда Михаил Калинин, были недостаточны. Поэтому приходилось решать проблему кардинально с помощью бойцов осназа. Мы арестовывали руководителей и активистов железнодорожников, где наблюдался открытый саботаж. Таких деятелей я лично ставил к стенке и расстреливал. Очень скоро сарафанное радио чётко передавало информацию о том что, если приехали чекисты Семенова, то обязательно кто-то будет расстрелян. Саботаж сразу прекращался.

Тем более, что бойцы отряда были не тупыми исполнителями, а достаточно образованными профессионалами, поэтому вначале изучали ситуацию, а затем действовали. С объективными трудностями мы разбирались вместе с руководством железной дороги и, тогда летели головы субподрядчиков, сорвавших ремонт или поставки запчастей, топлива и продовольствия. Сломить «саботаж» удалось только к весне 1918 года.

К Рыбаку в кабинет зашёл адъютант и доложил.

– По проверенной информации в городе начали работать красные агитаторы.

– Неймётся же им. Доставь эту команду ко мне, пообщаемся.

Начальник милиции Якутска Кошкин быстро организовал поимку революционеров. В кабинете губернатора стояло семеро смелых: три девушки от 20 до 25 лет и четверо парней того же возраста. Азовкин осмотрел их, вздохнул и начал разговор.

– Какую партию представляете?

– Большевистскую.

– Партийные есть?

– Я, Сергей Лазо.

– О, какие люди к нам пожаловали. Наслышан о ваших деяниях. А барышни зачем приехали – якуток агитировать? За десять лет нашей власти в крае все горожанки и барышни из пригородов обучились читать и писать по-русски. Раньше и говорить многие не умели. Зачем вы тут нужны, что мы можете предложить жителям? Давайте с вами пройдемся по ряду городских предприятий, и вы посмотрите, как работают люди, побеседуете с рабочими и служащими. А кто захочет, то после экскурсии может остаться, поработать и перенять опыт.

Для посещения были выбраны завод радиоэлектроники и авиастроения на тысячу рабочих, гранитная мастерская и предприятие пищевой промышленности. Также посетили больницу, которой руководил хирург Коротков. Были организованы беседы революционеров с рабочими по их выбору, то есть на кого укажут, с тем и говорили.

Оказалось, что везде был восьмичасовой рабочий день, отпуск 60 суток, оплата разно-рабочего достигала 60 рублей с учётом северных коэффициентов, квалифицированного рабочего до 150, а инженера до 400 рублей, врачи получали от 300, медсестры под 100, ведущие инженеры – разработчики, например, Сикорский, имел несколько тысяч рублей в месяц. В городе работали соцслужбы, облегчая жизнь народу. Пообедали в рабочей столовой, посмот-

рели, как содержатся и проходят лечение больные пациенты в городской клинике. Ознакомились с "Положением о трудовом дне", введённом на частных и государственных учреждениях края ещё указом наместника.

– Ну что, товарищ Лазо, есть у вас что-нибудь добавить к увиденному, кроме лозунга "Долой угнетение рабочих и крестьян"? Если нет, то рекомендую здесь с агитацией не появляться – расстреляю. Если хотите, повторю, приезжайте учиться у капиталиста Семенова, как нужно устраивать быт рабочих и крестьян. До свидания, товарищи. Я и так убил на вас полдня, а у меня очень много дел.

– А можно мы останемся на учёбу?

Азовкин обернулся на женский голос и увидел, как вперёд вышли все девушки и крепкий парень, по виду младший офицер.

– Останетесь?

– Да, мы хотели бы поучиться, перенять опыт.

– Как зовут?

– Елена, Елизавета и Злата Боярышникова. Мы сестры, а это Тимофей, наш брат. Мы окончили Владивостокские высшие женские курсы в 1910-1915 годах.

– Военный?

– Так точно. Окончил Владивостокское юнкерское училище, воевал под командованием генерала Брусилова. Был избран депутатом от полка в революционный совет дивизии. С 1917 года товарищами был отозван с фронта, и теперь агитирую за советскую власть на Дальнем Востоке. Мы сами родом с Владивостока.

– Посмотрел, как должна выглядеть советская власть?

– Посмотрел.

Азовкин посмотрел на Лазо.

– Вы как?

– Мы увидели достойный образец устройства жизни. Как действующую модель буду рекомендовать его нашим руководителям. Но у нас есть революционные дела в других городах.

– Прощайте, товарищи. А с вами будем решать, куда вас пристроить. Значит так, девушки, вы идёте в Дом быта. Начальником социальной службы работает Наталья Кувшинкина, женщина монументальных размеров, так что её сразу узнаете. Начнёте работать в сфере помощи населению. Это как раз по вашей части – будете прокладывать через сферу услуг путь к светлому будущему. Появятся предложения по улучшению работы – не стесняйтесь, пишите о них с обоснованием. Если комиссия признает ваши советы полезными, будете получать ежемесячную надбавку к зарплате. Всё остальное узнаете у Кувшинкиной, в том числе, вопрос по жилью. Теперь с тобой, добрый молодец. Куда желаешь поступить: на военный завод в отдел приёмки или в спецотряд.

– Лучше в спецотряд, ваше высокоблагородие.

– Хорошо.

Азовкин знал, что учёба и дальнейшая служба в отряде «ОСО» выветривала любую дурь у всех. Совместная учёба, принципы взаимовыручки, а затем "вязка кровью", когда выпустившиеся волчата под руководством инструкторов отправлялись бороться с криминалом в «горячие точки». В нынешнее время стало намного проще искать место обкатки пополнения – шла война. Там появлялись погибшие. Вроде сегодня ты шутил с товарищем, вместе обсуждали планы на будущее, и вот он лежит мёртвый с дыркой во лбу от винтовочной пули. Тогда и начинали ощущать парни чувство принадлежности к одной стае и злобу на врага. В таких условиях рождалось боевое братство.

С конца 1917 года в Якутию потекли ручейки представителей культурной интеллигенции: медиков, учителей, учёных, высокопрофессиональных рабочих и инженеров с семьями, чьи предприятия закрылись, потому что хозяева сбежали за границу. Многие руководители, с

которыми мы сотрудничали в царское время, обращались к нам с вопросом, как жить дальше? Так в Якутию переехали Болоченко, Билько, Вась-Вась, Овчарова, Колесникова, Новосельцева, Снежко, Петракова и многие другие. Все они были устроены по своему профилю на хорошие должности. Например, Васин сразу возглавил министерство спорта республики. Откликнувшись на рекламу «Программы переселения», к нам подались с семьями комиссованные солдаты и бедные офицеры, а также казацкие семьи со всех регионов страны: донские, терские, кубанские, енисейские, забайкальские, яицкие и амурские.

Багай проводил среди них политинформацию, знакомя с местным уставом.

– Значит так, братцы! Казацкой вольницы у нас нет. Есть жёсткая дисциплина и военная иерархия, установленная президентом. Кому не по нраву такая жизнь, отправляйтесь назад. Кто станет баламутить народ и вести непотребно – сорву погоны и отправлю на рудники. Тех, кто будет служить честно и добросовестно, ждут премии и звания. Вот памятка, в которой указаны основные принципы нашей жизни, куда вам обращаться и что делать при обустройстве. Сейчас я её зачитаю для малограмотных казаков. Для всех неграмотных обязательным станет посещение школы. Нам в республике тупые и неграмотные не нужны. Все военные будут проходить специальные боевые курсы.

С крестьянами, рабочими и разночинско-дворянской интеллигенцией разговор был более спокойным. Всех информировали о том, что за проведение агитаций и прочей, подрывающей устои государства, деятельности путь либо на рудники, либо к стенке. Некоторые сразу поворачивали назад в Иркутск.

Ещё со времени подготовки вооружённого восстания, а затем в процессе работы над ВЧК я немного не сошёлся характером с Яковом Свердловым. Это было очень опасно, потому что этот хлипкий и холодный с виду мужичок являлся «серым кардиналом» партии. Троцкий очень любил, и ему это льстило, когда его называли «демоном революции». Однако по сравнению со Свердловым, демагог Троцкий явно проигрывал. Имя «демона революции» по праву заслужил Яков Свердлов. До марта 1919 года инициатором каждой глобальной кровавой акции большевиков являлся именно Яков Михайлович. Хотя нельзя забывать о людях, выполняющих эти приказы. Насколько кроваво можно было выполнить любой приказ, зависело от исполнителей на местах. В отличие от Ленина и Троцкого, Свердлов не произносил пафосных речей, не объезжал фронты, не давал интервью иностранной прессе и почти не мелькал на страницах газет и журналов. Занимая высший пост в Советском государстве, он оставался как бы в тени, предпочитая руководить из-за занавеса. Прибыв по делам в Смольный, в коридоре я встретил Свердлова, беседующего со своим братом Зиновием Пешковым, представителем Франции в России.

Решив свои дела, я сразу отправился в архив ВЧК, бывший архив жандармерии, чтобы почитать анкету на Пешкова. Я буквально зачитался досье на семью Свердловых: «Отец, гравёр Мовша Израилевич Свердлов, имел три сына: Завей (Зиновия), Янкеля (Якова) и Вениамина, а также двух дочерей: Сарру и Софью. Кроме того, Мовша поддерживал двух сыновей умершего брата – Германа и Александра. В начале XX века, Мовша взял себе в качестве ученика молодого человека по имени Гершель Гершелевич Иегуда, впоследствии превратившегося в Генриха Генриховича Ягоду – будущего кровавого начальника ОГПУ. А я-то думал, как этот молодой человек делает такую быструю карьеру? Его тянет Свердлов. Ягода, несмотря на то, что дважды обворовывал своего мастера, умудрился породниться с семейством Свердловых, женившись на племяннице Янкеля Иде Авербах.

Так вот, старший брат Якова, Завель Мовшович Свердлов, являлся очень непростой фигурой. Юношей он перешёл из иудейской веры в православие, став Зиновием Алексеевичем Пешковым. Крёстным отцом был Максим Горький он же Алексей Максимович Пешков. Узнав об этом, Мовша отрёкся от сына, однако Горький продолжал оставаться желанным гостем в семействе Свердловых.

Кто, как и при каких обстоятельствах свёл известного русского писателя с «интересной и дружной семьёй Свердловых» неизвестно, но Горький проявлял живейшее участие в её жизни. В 1906 году Зиновий совместно с «папой» Горьким осуществили длительную поездку в США, где собирали деньги для поддержки революции. Как оказалось, пролетарский писатель Горький также принимал видное участие в подготовке февральского государственного переворота против государя.

В 1911 году Зиновий Свердлов снова уезжает в США к своему младшему брату Вениамину, который в 25 лет стал банкиром в Нью-Йорке. Понятно, что в этом возрасте он был вице-председателем банка, который патронировал немецкий еврей Якоб Шифф, правая рука Ротшильдов в США. Шифф был очень богат, возглавлял общества поддержки евреев в Европе, планомерно боролся с царской Россией, даже финансировал японцев в 1905 году, не говоря уже о революционерах последующих годов.

Принадлежность к тайному обществу масонов и близкие связи с известным революционным писателем Горьким позволяли Зиновию поддерживать рабочие отношения с влиятельными людьми масонского и революционного лагеря. Не случайно летом 1917 года Зиновий Пешков был назначен представителем Франции при правительстве Керенского. Было странно, что во французскую миссию с высокими полномочиями был включён не француз, а русский еврей, который по идее должен помогать России, а не Франции, к тому же имеющий небольшой чин капитана французской армии.

Но это были далеко не все подвиги Зиновия. В это время Франция прилагала все усилия, чтобы вовлечь в войну США на своей стороне. Зиновий был направлен эмиссаром от французских масонов к американским, с целью уладить спорные моменты вступления США в войну. К октябрю 1917 году расстановка сил была ясна, поэтому американцы, заработав на поставках обоим воюющим лагерям, вступили в войну на стороне победителей. Как раз близилось время победителям делить бонусы. Я философски присвистнул: «Да-а-а, непростой ты парень, Зиновий Пешков. И связь со своим, якобы, классовым врагом братом Янкелем, ты всегда поддерживал. Хотя, чего тут думать – половина большевистской верхушки, включая семейство Свердловых, и даже самого Ленина, являлись масонами. Просто после революции из рядовых членов они взлетели на вершину государственной власти крупной страны. Так что как не крути, а любые серьёзные изменения в миропорядке режиссируются «из-за кулис» теньвыми лидерами. Когда к власти пришли большевики, членом правительственной делегации Франции вновь оказался Зиновий.

Интересно, о чём же ты, Зиновий, разговаривал со своим братом Яковом? но после неё Зиновий Пешков направился через Сибирь в США, Японию и Китай. Когда на политической арене появится новый лидер Белого движения Александр Колчак, с первых дней при нём будут находиться контролёры: английский генерал Нокс и влиятельный французский масон генерал Жанен. А главным помощником у Жатена будет не кто иной, как капитан Зиновий Пешков. Возникнет поистине странная ситуация, когда в красной Москве вторую после Ленина роль играл Яков Свердлов, а при Колчаке в белом Омске в качестве влиятельного советника пребывал его родной брат Зиновий.

Позже Пешков будет служить в Иностранном легионе, став бригадным генералом и героем Франции, сподвижником Шарля де Голля в войне против фашистов».

Отложив прочитанное досье, я протёр лоб платком, думая о том, какая борьба ожидает в будущем мои детища СВР и Никарагуа с Эмиратами. Затем вновь подумал о Зиновии: «Яркая, бурная молодость и обеспеченная старость. Молодец мужик, серьёзно работал в молодости и сделал отличную карьеру».

Глава 5. Шествие советской власти

Советское правительство работало, постоянно издавая насущные нормативные акты и законы, которые назывались декретами. Были приняты декреты: «О восьмичасовом рабочем дне», «Об уничтожении сословий и гражданских чинов», «О создании Высшего совета народного хозяйства», которому предоставлялось право конфискации, реквизиции и секвестра различных отраслей промышленности и торговли, «О национализации банков», «Об уравнивании в правах всех военнослужащих», в соответствии с которым все чины и звания в армии, начиная с ефрейторского и кончая генеральским, упразднились и провозглашалось, что «армия Российской Республики отныне состоит из свободных и равных друг другу граждан, носящих почётное звание «солдат революционной армии», эпохальную «Декларацию прав народов России», которая провозгласила равенство и суверенность всех народов страны, их право на свободное самоопределение, вплоть до отделения и образования самостоятельных государств. Эти декреты добавляли популярности советской власти, которая с каждым новым месяцем набирала сторонников.

С 26 ноября в Петрограде начался Всероссийский Чрезвычайный съезд Советов крестьянских депутатов. Мне тоже удалось на нём выступить, агитируя за большевиков. Одобрив политику СНК, делегаты съезда большинством голосов высказались за объединение крестьянских и рабочих депутатов. В СНК произошёл очередной передел портфелей комиссаров – часть большевиков с наркомов сняли, а эсеров назначили.

Правые эсеры не угомонились, как и ряд других партий, образуя параллельные органы власти. На расширенных заседаниях ВЦИК снова шли дебаты о политической борьбе с оппонентами. Я, Дзержинский, Антонов-Овсеенко, Крыленко и Сталин настаивали на запрете партий, аресте их представителей и расстреле лидеров. Ленин, Троцкий, Свердлов, Каменев, Рыков и левые эсеры наоборот, желали победить в «принципиальной борьбе» на ораторской ниве. Я спорил с ними.

– Ильич, мы тратим время и силы. Сейчас, пока лидеры оппозиции на виду, их надо хватать и ставить к стенке. Они проиграли битву, и когда поймут это окончательно, попрячутся за границей и начнут вредить нам.

– Алексей, я понимаю тебя. Но мы не должны опускаться до уровня бандитов. Побеждать нужно не грубой силой, а убеждением, тогда за тобой пойдут массы!

– Хорошо, Ильич, тебе виднее.

Я подозревал, что пока ещё Ленин и его компания слушались своих кураторов из-за границы, которые не дали санкции на убийство лидеров эсеров Гоца, Чернова, Савинкова, меньшевиков Мартова, Мартынова, Аксельрода, Плеханова, Церетели, Левицкого и других. Интересно, что практически все перечисленные лидеры эсеров принадлежали к еврейскому народу. Возможно, с участием этих персонажей ещё разыгрывались пьесы, написанные западными спецслужбами. Тот же Аксельрод и Мартынов вскоре перейдут в стан большевиков на высокие должности.

Так что до конца года оппозиция носилась с выборами во Всероссийское Учредительное собрание. К этому времени 2-й Всероссийский съезд Советов уже провозгласил власть Советов и принял важнейшие декреты, поэтому смысла в Учредительном собрании не было совсем. Однако 12 ноября 1917 в него прошли выборы, на которых большевики получили лишь четверть голосов. Учредительное собрание открылось в Таврическом дворце с января 1918 года. Председатель ВЦИК Яков Свердлов предложил Собранию утвердить декреты, принятые 2-м Всероссийским съездом Советов и принять написанный Лениным проект «Декларации прав трудящегося и эксплуатируемого народа». Однако избранный председателем Виктор Чернов и правые эсеры затянули дискуссию на многие часы. Яков с досадой говорил Ленину.

– Владимир, похоже, Семенов прав, нечего с ними чикаться. Налицо нежелание признавать власть Советов. Они стремятся превратить Учредительное собрание в главный законодательный орган, противостоящий нашим Советам. Предлагаю покинуть зал заседаний.

– Да, диалога не получается.

Ленин поднял руку и ему дали слово.

– Товарищ Чернов, мы считаем, что вы умышленно затягиваете принятие решения. Уже всем понятно, что вы не желаете договариваться, поэтому партия большевиков покидает заседание.

Следом зал покинули и левые эсеры, а оставшиеся депутаты продолжили работу, объявив российское государство демократической федеративной республикой. Караул из матросов не знал уже, чем заняться, ругаясь в голос.

– Пятый час утра, они что, сдурели столько сидеть?

– Только орут, да яйца высиживают, словно куры.

Командир охраны дворца анархист Анатолий Железняков, известный как «Матрос Железняк», потребовал прекратить заседание, так как «караул устал». Делегаты Учредительного собрания, сорвав голос в дебатах, ранним утром расходились по домам, радуясь победе над большевиками. А вечером того же дня ВЦИК большевиков издал декреты «О роспуске Учредительного собрания» и «Об аресте вождей гражданской войны против революции», запретив партию кадетов. В тот же вечер чекистами были арестованы её лидеры, дворяне Шингарёв и Кокошкин. Так закончилась игра в демократию с оппозиционными партиями, наступало время разговоров при помощи оружия.

В своих мечтах февралисты-прозападники, уничтожив «старую», хотели создать «новую Россию» – цивилизованную, демократическую, буржуазно-либеральную страну с господством буржуазии и крупных землевладельцев, сделав её частью «просвещённой Европы», похожей на Голландию, Францию или Англию. Возможно, так оно и получилось, если бы не наличие мощной противоборствующей силы в лице большевиков и эсеров, которых много лет активно вращивали западные страны. Так что надежды на «благочинную буржуазную Россию» быстро рухнули. Февралисты сами открыли ящик Пандоры, разрушив все сдерживающие рычаги: самодержавие, армию, полицию, старую законодательную, судебную и карательную систему, гасившие копившиеся в стране противоречия. События 1917 года развивались по сценарию русской смуты, требующей коренных перемен. Попытка военной диктатуры Корнилова провалилась противодействием Керенского, правление которого окончательно похоронило надежду на стабилизацию. Получилось, что хитромудрый Керенский сделал всё, чтобы потерять, а большевикам практически без сопротивления взять власть. Чем-то это мне напоминало действия Горбачёва. Время разное, а суть одна, оба лидера потеряли свою власть и свою страну.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.